

ЖЖВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 36

Выходить еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕПЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ молъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 10-го сентября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 41.

Испорченная натура.

Повѣсть
Кн. М. В. Волконской.

(Продолженіе).
VII.

Черезъ полчаса Анютка и Матреша стояли у дверей другого трактира. Звукъ органа гулко, быстро, профанируя играемую вещь и музыку вообще, неслись на улицу. Юноша предложилъ дѣвочкамъ войти съ нимъ въ заведеніе и закутить. Матрешу такъ и поводило отъ веселаго смѣха, но Анютка испуганно отказывалась.

Начиналъ накрапывать чуть замѣтный дождь, переставалъ и снова начиналъ накрапывать. На душѣ Анютки было смутно-тяжело; она боялась, что вымокнетъ вальечкина шляпа, и что ей не удастся вернуться домой незамѣченной.

— Нѣтъ, пойдемъ!.. Нѣтъ, пойдемъ!.. — говорила она Матрешѣ, и тянула ее въ сторону Литейной.

Матреша, шепнувъ что-то юношѣ, пошла, наконецъ, за Анюткой. Въ рукахъ ея была «фунтикъ» съ сладостями, поднесенный ей ея кавалеромъ. Она шла изъ этого фунтика, тихо переговариваясь съ юношей, и оба хотали.

На углу Невского, у самаго трактира Палкина, дѣвочки хотѣли-было разстаться, но новая уличная сцена задержала ихъ.

Господинъ въ цилиндрѣ, сидя въ извозничьей пролеткѣ, билъ большимъ дождевымъ зонтикомъ молодую,

Фей Раутенделейнъ. („Потонувшій колоколь“, Г. Гауптмана). Картина О. Лингнера, авт. «Нивы».

нарядно одѣтую женщину и рукой пригибалъ ей голову къ колѣнямъ. Глаза господина ворочались и вытѣзали изъ лба. Онъ что-то кричалъ. Женщина или вѣрнѣе дама, въ платьѣ цвѣта соломы, въ черной, обшитой кружевами пелеринѣ и черной шляпѣ съ перьями, жалко, покорно молчала и такъ же на видъ покорно-жалко принимала сыпавшіеся на нее удары, и нагибалась подъ рукой, должно-быть, мужа блѣдное, молодое, миловидное, задеревѣлое лицо.

Подопедавшій городской старался укротить гнѣвъ господина и защитить его жертву отъ истязаній.

— Попалась, должно,—рѣшилъ матрешинъ кавалеръ.

— Пьянь!—авторитетно заявила Матреша.—А она-то, дура, молчитъ!.. Эхъ, эхъ!..—добавила она, наблюдая за поступками господина.—Вѣдь этакъ онъ ее искровенить!.. Ишь, хоть бы съ дрожекъ сошла, дура!..

Когда Анютка дошла до улицы, гдѣ жили Гоголь-певы, дождь не накрапывалъ, а шелъ мелкій, но частый. Небо совсѣмъ потемнѣло, потемнѣли и улицы.

«Попадусь!.. Попадусь!..» — ныло въ сердцѣ и мозгу Анютки.

По силѣ внутренняго желанія можно было сказать, что она молилась, чтобы никто не встрѣтился ей изъ своихъ. Валечкину шляпу она давно сняла и держала подъ платьемъ, соображая, какъ бы положить на мѣсто, въ картонку, такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Однако, когда она подошла къ дому, раньше чѣмъ увидѣть кого, она уже почувствовала всѣмъ существомъ, что соображать, надѣяться нечего.

Дѣйствительно, изъ окна бельэтажа, изъ комнаты одного изъ сыновей Раисы Павловны, выглядывалъ денщикъ; лежа на подоконникѣ и поворачивая голову во всѣ стороны, тонкимъ, почти бабьимъ голосомъ онъ выводилъ русскую пѣсню.

У воротъ дома, въ разговорахъ съ дворникомъ, стояла Степанида-судомойка.

— Идѣть!..—вдругъ крикнулъ денщикъ.—Степанида... идѣть!..—повторилъ онъ, выгибаясь изъ окна, и въ отвѣтъ на поднятое къ нему лицо судомойки, указалъ на Анютку.

— Ишь, с-ва! — выругалась Степанида и пошла навстрѣчу дѣвочкѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Анютка, какъ затравленный, озлобленный собаками звѣрь, сверкая бѣлками и озираясь во всѣ стороны, стояла на кухнѣ, окруженная не ушедшей со двора прислугой Раисы Павловны.

Измятая, промокшая валечкина шляпа была выдернута у нея Степанидой изъ-подъ платья и переходила изъ рукъ въ руки. Дугая золотая брошка снята трясущими руками Пелагеи, и дѣвочка слышала все тѣ же и тѣ же слова, которыя со всѣхъ сторонъ она только-что слышала на улицѣ.

Затѣмъ доложили генеральшѣ. Она кончила роберъ и вышла на кухню. Ей показали валечкину шляпу, пелагеину брошку и сашинъ кушакъ, украденный Анюткой для гулянья. Она посмотрѣла на все и стала долго и нудно выговаривать Анюткѣ. А Анютка стояла, какъ жертва, молчала, слушала, глядѣла на генеральшину розовыя щеки, красную атласную блузу и рыхлое, тучное тѣло, и забытыя далекія воспоминанія складывались со всѣмъ, только-что видѣннымъ, со всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ за всѣ эти года въ домѣ Раисы Павловны, и въ душѣ ея получались непоколебимыя, грязныя формулы.

Когда ее отпустили, и она ушла за ширмы, она быстро раздѣлась и легла. Передъ глазами ея мелькали уличныя сцены: красивое тѣло голой, изступленно кричавшей «меемъ» дѣвочки; окровавленное плечо и голова съ ремешкомъ на длинныхъ волосахъ; мужикъ, обнимавшій тумбу, и страшные, вытѣзавшіе глаза господина въ цилиндрѣ, пригибавшаго ладонью лицо дамы къ колѣнямъ.

Часа въ два ночи она проснулась и по шороху въ коридорѣ догадалась, что вернулась Саша.

Она знала случившійся когда-то грязный романъ Саши или съ однимъ изъ племянниковъ Раисы Павловны, или съ какимъ-то бариномъ (это осталось тайной), и слыша теперь брань Степаниды, называвшей Сашу потаскухой, усмѣхнулась.

Черезъ нѣкоторое время вернулись и сыновья Гогольцевой съ острововъ послѣ ужина.

Да! Дважды два давало четыре.

Съ улицы, откуда-то издалека, неслись пьяные крики «караулъ!» и въ отвѣтъ свистокъ городского и грохотъ извозчицкихъ дрожекъ, рванувшихся по мостовой. Загубленная березка съ почернѣло-рыжими листьями слабо благоухала у изголовья постели, и при малѣйшемъ движеніи дѣвочки на кровати шуршала, какъ бумажная. Ночь шла.

Современные «христіане» всѣхъ слоевъ, кто по народному, кто по цивилизованному обычаю, «въ духѣ и истинѣ» кончали праздновать свой великій, мистическій, новозавѣтный праздникъ.

VIII.

Сезонъ въ одной изъ загородныхъ дачныхъ мѣстностей былъ въ полномъ разгарѣ. Вечеромъ въ вокзалъ или окружающій его садъ струнный оркестръ собиралъ многочисленную публику; днемъ военный оркестръ манивалъ нянекъ съ маленькими дѣтьми, боннъ и гувернантокъ съ дѣтьми постарше, и дѣтей и подростковъ всякаго сословія съ матерями и безъ матерей, гувернантокъ и боннъ.

Вся молодежь шла, рвалась туда и, придя туда, наслаждалась, какъ хотѣла, могла и умѣла.

На музыку, на звуки, мало кто обращалъ вниманіе. Она или они, казалось, существовали лишь для того, чтобы заполнить «пустоту», т. е. тишину лѣтняго воздуха, и этимъ собрать въ садикъ около вокзала побольше юной публики, тѣхъ малыхъ, изъ которыхъ слагается великое будущее, по словамъ Виктора Гюго. Но это великое будущее, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не слушало вальсовъ, полекъ и иныхъ вещей, часто съ болышимъ стараніемъ и стройностью разыгрываемыхъ недавними мужиками, попавшими, за музыкальныя способности, въ полковые музыканты, а занималось посторонними и чуждыми всего музыкальнаго и эстетичнаго развлеченіями.

Гимназисты или возились другъ съ другомъ, подталкивая одинъ другого и фыркая, или говорили что-то другъ другу, стараясь, чтобы старшіе не услышали, при чемъ лица ихъ расплывались въ странная, не то смущенныя, не то будто запретныя, нечестыя улыбки.

Дѣвочки, по большей части разряженныя, или то-скливо сидѣли въ одиночку, рядомъ со старшими, чего-то выжидая, или, дождавшись и сходясь съ подругами, начинали критиковать туалеты другихъ, хихикать, замѣчать, кто за кѣмъ ухаживаетъ, и дѣлать глазки прохожимъ.

Изрѣдка только какой-нибудь ребенокъ, не доросшій до того, какъ слѣдуетъ вести себя «прилично», какъ всѣ, стоялъ передъ оркестромъ и, несмотря на увѣщанія няньки или бонны, упорно отказывался уйти и размахивалъ въ тактъ руками или тросточкой; да какая-нибудь крохотная дѣвочка, презирая свѣтскія приличія, предавалась тому радостному, ускоренному темпу жизни, который естественно вызываетъ веселая музыка и который называется пляской.

Душа же каждаго изъ присутствующихъ, торопившихся «на музыку», замѣтно для всякаго посторонняго наблюдателя, жила одиноко, въ глубинѣ каждаго, «жизнью, о которой не говорить»,—какъ выразился Метерлинкъ, и это ясно было видно по лицамъ присутствующихъ.

Анютка тоже была на музыкѣ. Она часто, несмотря на окрики Катерины и запрещенія генеральши, вырывалась изъ кухни, бѣгала туда, садилась въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ происходятъ всякія любовныя объясненія за кустами отцвѣтшей, засыхавшей сирени, похожей «цвѣтками» не то на гвоздику, что въ кушанье идетъ, не то на чайники спитого чая (такъ находила дѣвочка), и наблюдала за вѣсѣмъ происходившимъ.

За эти полтора мѣсяца съ Троицына дня въ ней произошла замѣтная перемѣна. Какъ «голодный,—по латинской пословицѣ,—ничего не боится», такъ она, казалось, голодная духовно, перестала бояться кого бы и чего бы то ни было, и ловко научилась отвѣчать каждому, такъ что не только Саша, но и Катерина, и Харитонъ, и даже сама генеральша стали побаиваться ее.

Съ Матрешей она продолжала видаться до отъѣзда Гогольцевыхъ изъ Петербурга, т.-е. еще недѣли полторы-двѣ, и съ интересомъ слѣдила за перипетіями, происходившими съ подругой. А съ Матрешей, дѣйствительно, происходили за это время всякія необычайныя происшествія.

Въ Троицу она явилась домой послѣ полуночи, и генеральша съ барышней, не имѣвшая возможности попасть къ себѣ на квартиру, такъ какъ Матреша унесла ключъ, отказались принять ее, Матрешу, къ себѣ. Двери ихъ квартиры были имъ открыты полиціей, «отмычкой», усмѣхаясь, рассказывала Анюткѣ Матреша. Генеральша отъ волненія заболѣла и, когда Матреша вернулась, лежала съ компрессами на головѣ. Барышня была сильно и гнѣвно возбуждена, бранила Авдотью, «что она, уходя, не догадалась запереть дѣвчонку, а ключъ взять съ собой», и клялась, что скорѣе позволитъ себя высѣчь на Владимірской площади, чѣмъ приметъ въ домъ дѣвчонку, которая не понимаетъ, что для нея дѣлаютъ, и ведетъ себя такъ, какъ Матреша.

Когда Матреша вернулась, позванному городовому вѣдно было взять благодарную на ночь въ участокъ и привести утромъ. Городовой, согласно военной и особенно полицейской дисциплинѣ, ничѣмъ не выдалъ своихъ истинныхъ чувствъ, только переглянулся съ топтавшимся тутъ же дворникомъ, потрогалъ пришедшую въ изступленіе отъ приказанія барышни Матрешу по плечу и повелъ ее съ лѣстницы. Внизу, подъ воротами, однако, такъ случилось, что Матреша все же не пошла въ участокъ, а дворникъ взялъ ее къ себѣ въ дворницкую, и дѣвочка сразу успокоилась, перестала всхлипывать.

— Что взяли, вѣдьмы проклятыя?—злорадно обратилась она только издали къ генеральшѣ и барышнѣ, утерла заплаканное лицо и, устроившись на лавкѣ въ дворницкой, уснула убитымъ сномъ.

На утро, городовой, какъ ему было приказано, привелъ ее къ генеральшѣ, и тамъ Матрешу (по ея терминологіи) встрѣтили дѣлымъ Содомомъ. Пропали *какія-то* деньги; хватились *какой-то* генеральшиной браслетки и старой барышниной шляпы, и на дѣвчонку посыпались брань, упреки, крики.

— Отдай браслетъ, шляпку и деньги, а то и на глаза не показывайся!—кричала барышня.

Генеральша, совсѣмъ больная, съ морщинистымъ худымъ лицомъ, осыпаннымъ пудрой, и вспухшими, красными глазами отъ нервныхъ слезъ, только «кудахтала», лежала на кушеткѣ въ нарядномъ капотѣ, махала рукой, когда къ ней обращались, и ничего не говорила.

— Отдай, что взяла, а то иди, куда глаза глядятъ!—неистово и истерично повторяла барышня, а Матреша не менѣе неистово утверждала, что она знаетъ ничего не знаетъ про шляпу и деньги, а браслетку видѣла въ рабочей корзинкѣ генеральши.

Городовой, не желая присутствовать при семейной сценѣ, ретировался, а Матреша, дѣйствительно, нашла браслетъ въ указанномъ ею мѣстѣ, между мотками гаруса и шелка, и принесла его барынямъ.

— Поищи теперь шляпу и пять рублей, — сказала, нѣсколько успокоившись, барышня.

Матреша пожала плечами и стала искать, но ни шляпы

(брошенной ею на улицѣ ночью), ни золотого нигдѣ въ квартирѣ не нашлось.

— Можетъ-быть, она и не брала,—изрѣдка пыталась увѣрить барышню генеральша, но барышня и слышать ничего не хотѣла и только пуще раздражалась глупыми словами генеральши.

— Ахъ, Господи!.. Ну, гдѣ-жъ тогда шляпа?.. Гдѣ?—нетерпѣливо повторяла она, все возвышая голосъ.—Что-жъ, у нея свои ноги, и она сама на нихъ ушла?.. Такъ, что ли?..

На этотъ разъ, впрочемъ, генеральша простила дѣвчонку. (Матреша увѣряла, что она ничего дурного не дѣлала, а просто гуляла по улицамъ съ дочерью одного дворника, извѣстной барынямъ за вполне порядочную дѣвушку; къ этой дѣвушкѣ Матреша отсылала господъ провѣрить свои слова). Такъ какъ сознанія вины добиться отъ нея не могли, то генеральша оставила ее у себя. Но черезъ нѣсколько дней Авдотья, выйдя изъ кухни, забыла запереть дверь на ключъ и взять ключъ съ собой, и когда она вернулась, Матреша исчезла, а съ нею исчезла и мелочь рубля на полтора съ письменнаго стола генеральши.

Когда часа черезъ два дѣвочка, красная, задыхающаяся отъ бѣга, вернулась, барышня была неумолима. Матрешѣ предложено было или сознаться во всѣхъ своихъ «гадостяхъ», или уходить.

Долго упиралась Матреша, говорила дерзости, прикидывалась жертвой и, наконецъ, не сознавшись ни въ чемъ, ушла; затѣмъ походила по городу, навѣстила своего кавалера, подошла къ одному изъ каналовъ, постояла у рѣшетки, потомъ сошла на плотъ, опять постояла и... на глазахъ у яличника, бросилась въ воду.

— Ахъ!—только успѣлъ вскрикнуть мужикъ-перевозчикъ.

Раза два прохожіе и нѣкоторые живущіе въ сосѣднихъ домахъ видѣли, какъ голова ея вынырнула высоко надъ поверхностью канала, потомъ она быстро, какъ желѣзо или свинець, пошла ко дну.

Минуть черезъ двадцать у мѣста происшествія, рѣшетку набережной, черной каймой, какъ мухи, облѣплялъ народъ, при крикахъ и совѣтахъ городскихъ, рѣчной полиціи и кое-кого пострастише изъ публики, и яличникъ-перевозчикъ съ трудомъ и медлительностью, прислушиваясь къ совѣтамъ, неумѣло и конфузливо вылавливалъ багромъ утопшую...

Потомъ бездыханное тѣло, съ одежды и головы котораго стекала вода, положили на извозчика и повезли въ Обуховскую больницу...

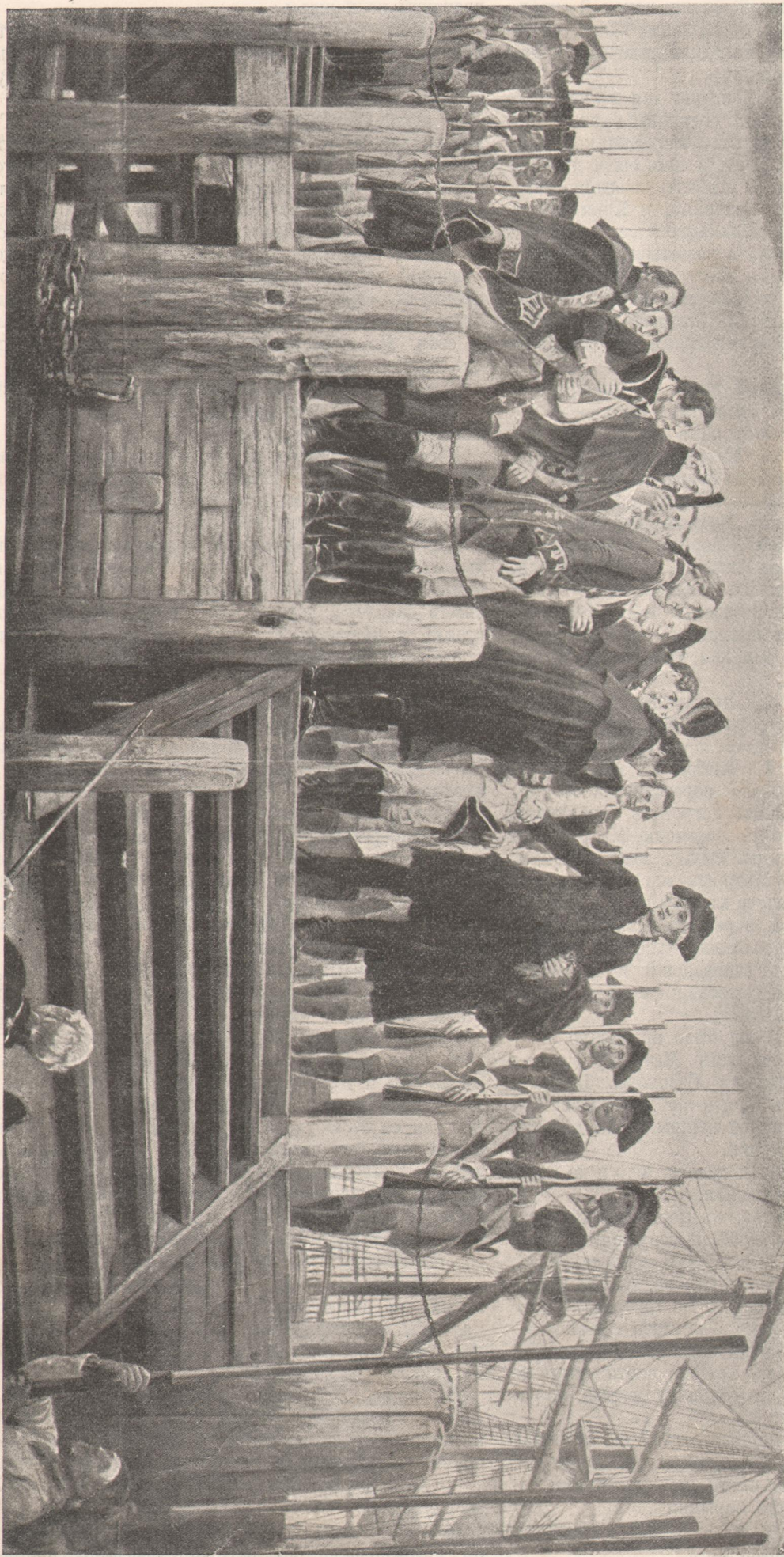
Все это Анютка знала, услышавъ спустя нѣкоторое время отъ самой Матрешы, выпущенной изъ больницы. Знала она и то, что какіе-то господа, видѣвшіе, какъ Матреша кинулась въ воду, заинтересовались ею, навѣстили ее въ Обуховской и рѣшили ее «усыновить». Знала и то, что черезъ нѣсколько дней оказалось, что вмѣсто усыновленія, новые покровители Матрешы, по-видавъ отказавшюся отъ нея генеральшу, правда, съ согласія самой дѣвочки, опредѣлили ее въ какой-то пріютъ, гдѣ надо было землю копать, гряды полоть и вообще заниматься полевыми работами.

— Скоты они всѣ!..—выругалась Матреша, рассказывая, въ послѣднюю встрѣчу, Анюткѣ о пріютѣ.—Сами бы, подлые, землю покопали!..—и она добавила, тряхнувъ волосами:—ну, да ничего!.. Посмотрю, а коли не понравится... прощайте!..

И, кивнувъ головой удивленно раскрывшей ротъ Анюткѣ, показывая ровные здоровые зубы, Матреша послѣдила за ожидавшей ее горничной, безъ которой новые ея покровители не выпускали дѣвчонку на улицу.

— Жди письма отъ меня!..—крикнула она, отойдя и оборачиваясь.—Открытку... Слышь?..

Анютка, молча, глядѣла подругѣ вслѣдъ и переѣхала съ Гогольцевыми на дачу въ ожиданіи вѣстей отъ Матрешы; но вѣсти не приходили. Вмѣсто того, бѣгая

Прощаніе Вашингтона съ арміей. Картина А. Го, арт. «Нива».

по улицамъ и на музыку, гдѣ у нея появились знакомства, Анютка видѣла все одно и то же: мужчинъ и женщинъ, простыхъ и богатыхъ, «ухаживающихъ» другъ за другомъ.

У Гогольцевыхъ было все то же. Ыли, пили, играли въ карты, покупали все, что хотѣли, издѣвались надъ m-lle Larine, лѣтомъ жившей въ домѣ, и надъ сумасшедшей, получавшей ежемѣсячныя подачки и дѣлавшей видъ, что она очень довольна шутками, которыя шутили надъ нею... Гогольцева попрежнему продолжала видаться со «своимъ господиномъ», попрежнему сыновья мучились этимъ, ловили ее и старались помѣшать свиданіямъ, и попрежнему изрѣдка Раиса Павловна подавала копеечку нищему, чтобы Богъ благословилъ ее и дальше жить, какъ жилось всю жизнь, и подаль ей Свои великія и богатые милости.

Единственно совершенно новымъ лицомъ въ домѣ былъ братъ Гогольцевой, Модестъ Павловичъ Носковичъ. Онъ служилъ по судебному вѣдомству въ провинціи, былъ обвиненъ по совокупности въ ста слишкомъ преступленіяхъ, пойманъ на подлогахъ и взятъ по добротѣ Раисы Павловны на поруки. Этотъ Модестъ Павловичъ читалъ все какія-то особенныя книги, любилъ говорить о «святомъ сладострастіи», объ антихристѣ, о красотѣ зла, о новомъ искусствѣ, о будущихъ книгахъ съ духами въ переплетѣ, «такъ что, когда будешь читать о сѣнокосѣ,—погрогается кнопка, и запахнетъ сѣномъ!.. Когда будешь читать о подвалѣ,—запахнетъ подваломъ», и т. д.—Любилъ гово-

рить объ андрогинахъ, покровительствовалъ всякимъ чувствамъ, отвлекалъ вниманіе племянниковъ, т. е. уводилъ ихъ гулять, когда сестра собиралась уѣзжать на свиданіе въ Петербургъ, и обращалъ даже вниманіе на Анютку. Лицо его было эмальировано въ Парижѣ, лобъ отъ рожденія сплюснуть въ вискахъ, такъ что голова походила на горшечную форму, и на головѣ красовался, прекрасно, почти художественно сдѣланный, парикъ.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля у Гогольцевыхъ назначенъ былъ парадный обѣдъ для женившася племянника, Ивана Михайловича, только-что вернувшагося съ женой изъ заграничнаго свадебнаго путешествія. У Гогольцевыхъ вся прислуга, и опекаемая дѣти, и сама генеральша, и ея сыновья глумились надъ новобрачными (Раиса Павловна, хочоча, припоминала разныя привычки въ интимной жизни и недостатки Ивана Михайловича), но всѣ ждали дня обѣда съ нетерпѣніемъ, надѣясь, что онъ имъ доставитъ новое развлеченіе.

Молодые должны были явиться къ четыремъ часамъ. Ею Анютка давно прекрасно знала и ненавидѣла, какъ и онъ ее. Она для дѣвочки была незнакомка, и ей хотѣлось насмотрѣться на нее всласть. Зная, что это ей не удастся въ гостиной или столовой, куда ее теперь не пускали, Анютка пробѣжала на музыку и, по обыкновенію, сѣвъ въ кустахъ сирени, стала дожидаться прихода поѣзда. Когда онъ пришелъ, и раздались свистки, Анютка покинула кусты и зашвыгнувъ въ нихъ пару, выдвинулась впередъ и вперилась въ двери, откуда выходятъ всегда прѣзжающіе. Черезъ

Барышни въ стадѣ. Картина И. Е. Рѣпина, арт. «Нивы».

нѣкоторое время, дѣйствительно, прѣзжіе повалили изъ дверей толпой, и между ними, почти сзади всѣхъ, Анютка увидѣла ожидаемыхъ Гогольцевыми новобрачныхъ.

Онъ велъ ее подъ руку. Она, хрупкая, очень худенькая и высокая, очень черноволосая, съ неправильными чертами и смугло-блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ великолѣпными черными внимательными глазами, шла полная и оригинальнаго обаянія, и затаенной мысли, и грусти, и вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, замѣчала малѣйшую подробность и въ природѣ, и въ людяхъ, и во всемъ, что встрѣчалось ей взгляду.

Она взглянула на крошечную дѣвочку всю въ красномъ, въ платьѣ-абажурѣ, красныхъ чулкахъ, туфляхъ и шляпѣ и, улыбаясь, указала на нее мужу; указала ему еще и еще на кого-то или что-то и вдругъ, увидѣвъ Анютку въ длинномъ ситцевомъ платьѣ, съ открытымъ въ кружокъ ртомъ, смотрѣвшую на нее, совершенно не зная, кто она, указала Ивану Михайловичу и на нее. Анютка хотѣла отвернуться и скрыться, но было уже поздно. Глаза Ивана Михайловича встрѣтились съ ея глазами.

— Ты чего здѣсь? — сквозь зубы, какъ сыновья Гогольцевой, прошипѣлъ онъ и, метнувъ на нее знакомый ей взглядъ, остановился и тронулъ ее тросточкой по плечу. — Брысь домой, слышишь? Но-о?... — добавилъ онъ съ невольнымъ удивленіемъ, глядя на нетрогающуюся съ мѣста дѣвочку.

Щеки его жены слегка порозовѣли.

— Кто это?... За что ты ее?... Оставь! — съ мольбой, тихо обратилась она къ Ивану Михайловичу и, увлекая его дальше, слушая то, что онъ пояснялъ ей, и въ чемъ-то убѣждая его, вдругъ обернулась и, улыбувшись, кивнула Анюткѣ.

Анютка опустила глаза и въ незнакомомъ ей смущеніи стала ходить взадъ и впередъ у скамейки, вытирая ладонью ея сидѣнье.

Въ душѣ ея такъ же, какъ на Троицу, неизгладимо запечатлѣлось красивое тѣло кричавшей дѣвочки, — неизгладимо запечатлѣвалась полная грустной прелести улыбка этой женщины и весь ея нѣжный и изящный образъ. Мысленно же вся работа души ея выразилась въ непобѣдимомъ стремленіи и желаніи, придя къ Гогольцевымъ, примѣрить на себѣ все, что она сниметъ, — шляпу, горжетку, перчатки...

Иванъ Михайловичъ, между тѣмъ, шелъ впередъ, влюбленнымъ тономъ дѣлая наставленія женѣ, какъ вести себя съ его теткой, отъ знакомства съ которой до женитьбы онъ упорно отговаривалъ намѣченную имъ въ жены дѣвушку. Лита смущенно слушала его. Она казалась себѣ такой глупой дѣвочкой, совсѣмъ не знающей жизни и свѣта, а онъ, Иванъ Михайловичъ, такимъ опытнымъ, и мудрымъ, и несчастнымъ, ознакомленнымъ съ этой настоящей грустной жизнью съ дѣтства въ домѣ Раисы Павловны!.. И она, держа его подъ руку, крѣпко прижималась къ нему: ей хотѣлось приласкать, приглотить его, воздать ему любовью за все, что онъ претерпѣлъ въ домѣ тетки.

Когда они подошли къ дачѣ, занимаемой Гогольцевыми, недалеко отъ вокзала, Иванъ Михайловичъ оглянулъ жену съ головы до ногъ и, заставивъ ее покраснѣть, пешнультъ: «*gavissante!*... Тетка взбѣсится отъ зависти...» — открылъ калитку и ввелъ въ садъ.

— Что это? — оглянувъ этотъ «садъ», съ недоумѣніемъ спросила Лита. — Гдѣ же садъ?... Неужели твоя тетя живетъ здѣсь и платитъ за *это*... тысячу рублей?..

— Тетя!.. — усмѣхаясь, повторилъ Иванъ Михайловичъ. Лита покраснѣла.

— Ну, тетка, — поправила она, зная, что Иванъ Михайловичъ находитъ первое названіе слишкомъ нѣжнымъ и *ridicule*. — Но неужели она платитъ за это тысячу рублей?

— Тысячу двѣсти, или триста, — поднимая и опускавая брови, отвѣтилъ Иванъ Михайловичъ. — А что? — прикладывая тросточку къ губамъ, докончилъ онъ. — Хорошо?

— Да ужъ хорошо! — взволнованно сказала Лита.

Передъ ними лежали сѣрыя, сухія клумбы, продавленные каблуками. На нихъ не было ни одного цвѣтка. Трава на лужайкахъ была помята, испорчена, кусты и деревья поломаны; дорожки не чищены...

— Это не садъ, а выгонъ какой-то!.. — сказала Лита.

Иванъ Михайловичъ улыбался. Ему нравилось, что жена осуждаетъ воспитавшую и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбляющую его съ дѣтства тетку.

— За это-то она и платитъ такія деньги, — помолчавъ, пояснилъ онъ. — Какъ ты это не понимаешь?

И, отвѣчая на удивленный взглядъ жены, Иванъ Михайловичъ рассказалъ ей, какъ хозяинъ не хотѣлъ сдавать Гогольцевымъ дачи, какъ сама Раиса Павловна набавила ему нѣсколько сотенъ, чтобы онъ только сдалъ и позволилъ «портить и ломать въ саду все, что кому заблагоразсудится», такъ какъ у нея мальчики, она не любитъ, чтобы они ходили «цирлихъ-манирлихъ»; имъ нужно двигаться, бѣгать, прыгать!

— А какъ же другіе-то бѣгаютъ и прыгаютъ?... Вѣдь не у всѣхъ же такіе «сады»! — перебила Лита мужа. — Развѣ для этого необходимо все портить? Какъ же за границей, въ Англии, напримѣръ, гдѣ такъ развитъ всякій спортъ? Помнишь, какія тамъ лужайки, деревья, цвѣты?

— Н-ну, «взаграничъ»!.. — протянулъ Иванъ Михайловичъ и, посвиставъ, засмѣялся. — Каблуки-то на клумбѣ вѣдь это отъ прыганья, — сказалъ онъ, чему-то радуясь.

«Боже мой, Боже мой!» — слушая мужа, думала Лита, и все тяжелѣе становилось у нея на сердцѣ.

Съ этимъ усиливающимся чувствомъ тяжести взопла она въ домѣ, поздоровалась съ видѣнной ею только во время свадебнаго визита и въ церкви теткой мужа, поздоровалась со всѣми чадами и домочадцами и сѣла на балконѣ, окруженная всей семьей, жадно наблюдавшей за ней, т. е. старавшейся, какъ инстинктивно стараются всегда при первомъ знакомствѣ люди, «по законамъ незримаго», не основываясь ни на какой, хотя бы самой глубокой практической психологіи, уяснить себѣ, каждый по-своему, кто она, и что она за человѣкъ. И по тѣмъ же «законамъ незримаго», обоюдная антипатія и духовная отдаленность — производили въ душѣ каждаго изъ сидящихъ на балконѣ свой таинственный приговоръ.

IX.

Обѣдъ отошелъ наполовину, когда Анютка возвратилась домой и бросилась въ спальню, гдѣ она знала, на туалетѣ должны были лежать снятыя Литой шляпа, перчатки и прочее.

Кухней пахло во всей квартирѣ. Изъ столовой несся весело-громкій гулъ голосовъ, звяканье серебра и стукъ посуды. Ясно былъ слышенъ и голосъ Ивана Михайловича, говорившаго гнусавымъ басомъ.

Въ темной передней, черезъ которую необходимо было проходить и въ столовую, и въ спальню, дѣвочка наскочила на Харитона и чуть не вышибла у него рукъ блюдо.

Харитонъ чертыхнулся, Анютка выскочила изъ-подъ его ногъ, и въ столовой, куда открылъ дверь лакею кухонный мужикъ, никто не замѣтилъ происшедшее въ прихожей. Одной только Литѣ показалось, что промелькнуло что-то бѣлое, и она, какъ это часто съ ней бывало, «интуиціей» догадалась, что это, вѣрно, Анютка.

— Раиса Павловна, что эта дѣвочка... которая у васъ живетъ... которую вы пріютили... — начала молодая женщина и смѣшалась подъ пристальнымъ взглядомъ Гогольцевой.

Все не нравилось ей въ ихъ домѣ: не нравился и обѣдъ, хотя Катерина «дивурадовалась» надъ каждымъ блюдомъ, не нравился и Харитонъ, вступавшій въ разговоры за обѣдомъ и одѣтый въ сюртукъ вмѣсто фрака, не нравились и гости, и особенно эмальированный Модестъ Павловичъ, и не нравилось, т. е. смущало то, что она чувствовала нерасположеніе къ себѣ всей семьи, и

что мужъ, какъ-то неуволимо подчиняясь господствующей нравственной атмосферѣ, сидя противъ нея, слѣдилъ за ней не то тревожно-вопросительными, не то насмѣшливыми, хотя минутами и влюбленными глазами.

«Не умѣетъ лебедушка по-гусиному кликати»,—думала Лита, не зная, что можно сказать, спросить, и что нѣтъ, и почему нѣтъ?

И тотчасъ упрекала себя въ гордости и самомнѣніи.

— Ахъ, да... тетя,—желая исправить чувствуемому имъ въ чемъ-то неуволимомъ безтактность жены, кривя ротъ отъ притворнаго тика, сказалъ громко Иванъ Михайловичъ.—Ты знаешь, мы сегодня встрѣтили Анютку на музыкѣ...

Весь столъ пріутихъ, и взоры всей семьи усталились на говорившаго.

Раиса Павловна вскинула плечами и закатила глаза.

— Харитонъ, слышишь?—обратилась она къ лакею.— Иванъ Михайловичъ говоритъ, что вотъ они (она указала на племянника и Литу) видѣли Анютку на музыкѣ.

— Да она и завсегда туда бѣгаетъ,—отозвался Харитонъ, подавая кому-то огромный ростбифъ и отворачивая отъ него голову, чтобы взглянуть на генеральшу.

— Всегда, всегда!—подхватили на разные голоса опекаемая дѣти, и живо, и бойко, перебивая другъ друга, стали рассказывать Литѣ, какъ бѣгаетъ Анютка на музыку, хотя это ей строго запрещено, какъ вообще не слушается, дерзить, воруешь.

— Vous ne pouvez-vous figurer, ce que j'ai à souffrir de cet enfant!—давъ вылиться опекаемымъ дѣтямъ, замѣтила, наконецъ, томнымъ голосомъ Раиса Павловна и помахала рукой.

— Такъ вѣдь вольно-жь!—пожимая плечами, неестественно засмѣялся Иванъ Михайловичъ и, какъ бы ища извиненія за свое замѣчаніе, виновато-комично опустилъ голову, широко раскрылъ, точно откинулъ нижнюю челюсть, и нѣсколько секундъ посидѣлъ такъ, двигая челюстью слѣва направо.

Его уловка удалась.

Гогольцева и ея сыновья, считавшіе Ивана Михайловича за очень умнаго и остроумнаго человѣка, насторожились и возрились въ его ротъ, готовые вотъ-вотъ, скажи онъ еще что-нибудь, покатиться отъ одобряющаго смѣха.

Литу внутренно покорило.

— Отчего же вы не отдадите ее въ пріютъ?—спросила она Раису Павловну, и серьезно взглянула на мужа, помѣшавъ ему этимъ сказать какую-то острогу и точно спрашивая его: «это можно сказать?»

— Вотъ это всѣ тетѣ говорятъ,—съ дѣланнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Иванъ Михайловичъ и покраснѣлъ отъ досады, что его bon-mot ему не удалось.

— Да я ужъ и то рѣшилась...—сказала Раиса Павловна и, нагнувшись грузнымъ тѣломъ къ новопріобрѣтенной племянницѣ, прозванной ею сегодня же «Lise», хотя всѣ всегда называли ее Литой, она стала тайственно рассказывать ей объ Анюткѣ.

Молодая женщина съ нервнымъ ощущеніемъ неловкости слушала ее, стараясь не замѣчать упорнаго и, какъ ей казалось, недоброежелательнаго взгляда Ивана Михайловича.

«Что съ нимъ»,—думала она.

— Бѣдная дѣвочка!—наконецъ, сказала она.— Можетъ-быть, она такая дурная потому... (она запнулась, чувствуя все интенсивнѣе взглядъ Ивана Михайловича) оттого... что... оттого... («все же скажу!..»—внутренно обратилась она къ мужу)—оттого... что она ничего, кромѣ дурного, не видѣла, не слышала...—докончила она торопливо, смутно чувствуя, что этого не слѣдуетъ говорить.

Гогольцева, какъ ужаленная, откинулась на спинку кресла и глупыми глазами, точно получивъ ударъ въ голову, посмотрѣла на нее. Большое красивое лицо ея выражало удивленіе и обиду.

— Гдѣ-жь у меня въ домѣ она могла видѣть дурное?—спросила она вызывающимъ тономъ.

Лита, въ свою очередь, покраснѣла и вскинула глазами на мужа.

Онъ, не переставая, насмѣшливо смотрѣлъ на нее и, казалось, всѣмъ лицомъ говорилъ:

«А!.. Что?! Не хотѣла слушаться... Кто правъ?.. Выпутьвайся, выпутьвайся теперь сама... Посмотримъ...»

«Ну, пожалуйста, помоги!—тоже глазами сказала ему Лита.—Ты знаешь, я не хотѣла...»

— Гдѣ-жь у меня въ домѣ?—повторила Раиса Павловна, но ее перебилъ Иванъ Михайловичъ.

Онъ кашлянулъ и опять на мгновеніе широко откинулъ нижнюю челюсть. Лицо его улыбалось.

— Мы вѣдь всегда такъ—сперва скажемъ, а потомъ подумаемъ!—выговорилъ онъ скороговоркой и обвелъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ, хихикая и точно приглашая полюбоваться на глупость и безтактность своей молоденькой, изящной благовѣрной.

Всѣ улыбнулись. Лита покраснѣла до корней волосъ.

«Зачѣмъ ты это?»—взглядомъ жалко спросила она мужа и тотчасъ, стараясь поправиться и оправдаться, и объяснить свою мысль и мужу, если онъ не понялъ, и другимъ, выговорила:

— Я и не думала, что у васъ... У васъ... Я знаю... Но раньше, въ дѣтствѣ она могла... и вообще...

Чувствуя, что путается, она замолчала.

«Нѣтъ, должно-быть, онъ правъ,—проносило у нея въ мысляхъ.— Она подумала, что я про нее, чтобы ее оскорбить, потому что я про нее знаю!.. Вѣрно, я дѣйствительно не умѣю говорить!..»

И сознание своей безтактности—и больше—просто глупости охватило ее.

— Ахъ, въ дѣтствѣ... Да-а!—успокоившись протянула Раиса Павловна и, по свойственной ей добротѣ, пропустивъ несимпатичной ей молодой женщинѣ ея дерзость, снова стала рассказывать про Анютку, на этотъ разъ, впрочемъ, обращаясь не къ Литѣ, а больше къ племяннику.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Одиноко пройду по землѣ,
Какъ нежданная тучка проходитъ въ день ясный,
И какъ мысль о могилѣ на сонномъ челѣ;
Одиноко пройду по землѣ я напрасно.

Промелькну незамѣтно, какъ тѣнь
Отъ несущейся въ выси пугливой орлицы.
Незамѣтно, какъ тихій, тоскующій день,
Незамѣтно, какъ отблескъ послѣдней зарницы.

Но вернусь я къ землѣ—не одна.
Онъ вернется со мною, о комъ я мечтала
И кому я молилась, возставши отъ сна,
Тотъ, о комъ я народу напрасно вѣшала

Я вернусь... Вновь я буду средь васъ.
Не какъ тѣнь отъ несущихся птицъ, незамѣтно—
Я вернусь, какъ царица въ торжественный часъ,
Какъ царица въ вѣнцѣ изъ камней самоцвѣтныхъ.

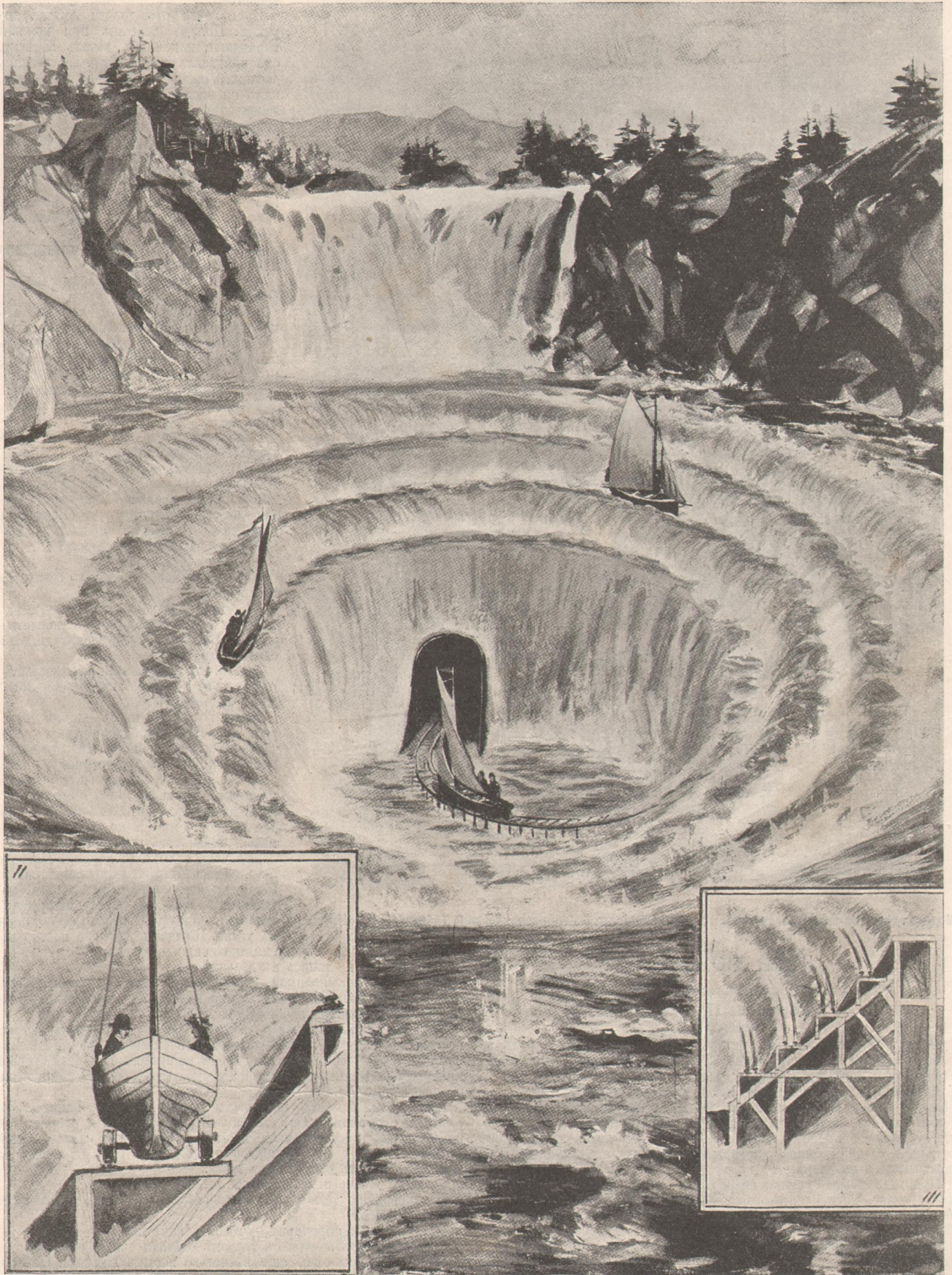
Мы разсыплемъ всѣмъ счастье вокругъ.
Мы разсыплемъ всѣмъ счастье кошницами полными.
И народъ побѣдитъ намъ навстрѣчу, какъ другъ,
Забушуетъ, ликуя шумящими волнами.

Одиноко пройду по землѣ.
Но не плачь, ты не плачь обо мнѣ, о, родная!..
Одиноко уйду... но съ вѣнцомъ на челѣ
Я вернусь, какъ царица, вернусь не одна я.

И. Гриневскал.

Рѣка Катунь на Алтаѣ. Рисунокъ Г. И. Гуркина. арт. «Нивы».

1. Начало путешествія и общій видъ искусственнаго водопада. 2. Лодка спускается по спирали. 3. Разрѣзь послѣдовательныхъ ступенекъ водопада.

Въ пучинѣ водопада. По рисунку, авт. «Нивы».

Молодая дѣвушка-китаянка. Рисунокъ нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

На войнѣ.

(Отъ нашего специального корреспондента).

Деревня Путунде.

(Окончаніе).

На другой день капитанъ всталъ въ 5 часовъ утра и велѣлъ сѣдлатъ лошадей. Старикъ-китаецъ былъ уже на ногахъ и помогъ Гришуткину приготовить чай.

Капитанъ досталъ изъ чемодана планшетку, компасъ, приготовилъ графеной бумаги и уже въ 6 часовъ сѣдѣлъ на лошади.

Китайцу онъ, какъ могъ, объяснилъ, что черезъ два солнца онъ опять придетъ къ нему ночевать. Въ другой половинѣ фанзы уже встали, и слышны были разговоры, но ни одна изъ женщинъ не показывалась на дворъ.

Проѣхали мимо Фушуна, свернувъ по дорогѣ налѣво, и подошли къ перевалу. Тутъ капитанъ слѣзъ съ лошади. Съемки верхомъ на лошади онъ не признавалъ; опредѣливъ начало дороги и положеніе Фушуна, онъ пошелъ отсчитывать пары шаговъ. Солдаты тоже слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ. На перекресткѣ двухъ дорогъ стояла маленькая кумирня въ видѣ будки, меньше человѣческаго роста. Онъ сейчасъ ее отмѣтилъ, отмѣривъ разстояніе по приготовленному заранѣе масштабу—250 сажень въ дюймъ.

Капитанъ рѣшилъ сдѣлать съемку какъ можно тщательнѣе.

«Такой чертежникъ сдѣлаемъ, что въ штабъ пальчики обидеть,— разсуждалъ онъ.— Это что тамъ, рошица? съ кладбищемъ? Нанесемъ и рошицу... Нанесемъ и параллельки... вотъ тутъ будетъ язычокъ

отъ большой сопки... Мы вамъ и безъ треноги лучше сдѣлаемъ, чѣмъ вы съ треногой».

Въ сторонѣ отъ дороги лежала деревня. Покуда капитанъ при помощи карандаша и компаса дѣлалъ засѣчку, онъ приказалъ кому-нибудь изъ солдатъ доскакать на лошади до деревни и узнать, какъ ея названіе. Въ одинъ мигъ Бурлаковъ уже сѣдѣлъ верхомъ и несся къ деревнѣ.

«Не натворилъ бы опять чего-нибудь»,—подумалъ капитанъ.

Но Бурлаковъ до деревни не доѣхалъ. Онъ остановился около трехъ китайцевъ, работавшихъ въ полѣ, постоялъ тамъ и черезъ минуту уже скакалъ обратно.

— Ваше благородіе! Такъ что деревня подѣ названіемъ Путунде.

— Опять Путунде! И та, гдѣ мы ночевали, тоже Путунде?

— Такъ точно. У ихъ все такъ. Такой ужъ народъ неприспособленный...

Капитанъ помѣтилъ деревню и пошелъ шагать дальше. Черезъ версту опять деревня, но довольно далеко. Къ ней вела дорога, по которой, удаляясь, ѣхала арба.

Бурлаковъ опять былъ посланъ узнать, куда вѣдетъ дорога.

«Навѣрно, опять въ деревню Путунде»,—подумалъ капитанъ.

Но деревня, оказалось, называется Нянямау... Но эта ли именно деревня, которая видѣлась, или какая-нибудь другая—неизвѣстно, потому что Бурлаковъ подѣхалъ къ арбѣ и спросилъ у возницы, загораживая ему дорогу:

— Ходи! Куда твоя ходи?

Китаецъ немного понималъ по-русски и отвѣчалъ:

— Домой моя ходи... Нянямау ходи...

Этимъ отвѣтомъ Бурлаковъ удовлетворился. Но зато слѣдующая деревня опять была Путунде.

— Что-жъ, не я давалъ имъ названія,—говорилъ въ подголоса капитанъ.— Запишемъ *Путунде 2-ая*.

Когда капитанъ къ 12 часамъ измѣрилъ по масштабу пройденное разстояніе, то оказалось 12 верстъ. На начерченномъ маршрутѣ были нанесены уже пять деревень Путунде—каждая подъ особымъ номеромъ. «Ужасно тупой народъ,—думалъ капитанъ,—даже особыхъ названій для каждой деревни не могутъ придумать... Поди тутъ разберись».

Два часа отдыха въ деревнѣ Путунде 5-ая. Здѣсь благополучно нашли яйца, заварили чаю. Старикъ изъ первой деревни далъ имъ на дорогу пару куръ, которыя капитанъ приказалъ оставить на ужинъ. Солдаты довольно плотно пообѣдали китайскими пельменями со свинымъ мясомъ.

Въ два часа пустились въ дальнѣйшій путь.

Жара была невыносимая. Китель у капитана и рубахи у солдатъ были мокры, точно они вышли изъ-подъ душа. Работать было тяжело. Рука прилипала къ бумагѣ.

Мертвая тишина стояла въ воздухѣ. Ни птицы, ни насѣкомыи не оживляли зеленыхъ долинъ и сѣрыхъ склоновъ сопки. Вѣтеръ, который ожесточенно носится съ юга въ продолженіе всей суровой маньчжурской зимы и холодной весны, дѣломъ не освѣжаетъ лицащаго зря.

При всемъ желаніи, продолжать работу пѣшкомъ капитанъ не былъ въ состояніи. Онъ велѣлъ Бурлакову пройти впередъ сто паръ шаговъ и остановиться. Провѣривъ разстояніе самъ, онъ увидѣлъ, что шаги у нихъ одинаковы. Тогда онъ сѣлъ на лошадь, а Бурлакову велѣлъ отсчитывать шаги.

— Не торопись и не сбивайся...

На лошади не такъ удобно было работать, и детали выходили не такъ отчетливо.

«Ничего, дома перечерчу»,—рѣшилъ капитанъ.

До 6-ти часовъ вечера съ трудомъ сдѣлали еще 8 верстъ.

На картѣ появилось еще нѣсколько новыхъ Путунде. Онъ начинали выводить капитана изъ терпѣнія. Въ двухъ деревняхъ китайцы не дали никакого отвѣта и только отрицательно кивали головами.

Поставивъ деревни на картѣ, капитанъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ «Безымянная».

Остановившись въ маленькой деревнѣ для ночлега, онъ утилилъ

жажду холодной водой из колодца и сейчас же уснуть, прика-
завь разбудить себя ночью и приготовить ужин.

На другой день опять такая же работа по такой же нестер-
пимой жары.

Къ вечеру, когда капитанъ уже сидѣлъ въ фанзѣ деревни, ко-
торая была крайнимъ пунктомъ маршрута, и разсматривалъ пять
листовъ своей работы, пошелъ дождь. Когда въ Манчжуріи послѣ
нѣсколькихъ дней июльской жары пойдетъ дождь, всѣ рѣшаютъ,
обыкновенно, что начался періодъ дождей. Но погода здѣсь тамъ же
капризна, какъ и въ нашей привневской столицѣ. Никогда въ лѣтнее
утро нельзя сказать, будетъ ли дождь среди дня. Самое постоянное
и самое лучшее время года здѣсь осень—безвѣтренная, теплая и
сухая.

Капитанъ былъ бы не прочь ѣхать обратно по проливному дождю.
Все лучше, чѣмъ мокрая изнурительная жара. Но на другое утро
солнце взошло на совершенно безоблачномъ небѣ.

Къ 6-ти часамъ вечера партія пріѣхала въ ту самую деревню,
гдѣ ночевала въ первую ночь.

Въ знакомой фанзѣ уже заранѣе знали о приближеніи путеше-
ственниковъ. Объ этомъ сообщили туда бѣгавшіе по деревнѣ реб-
ятишки.

Когда капитанъ сходилъ съ лошади на знакомомъ дворѣ, все
мужское населеніе фанзы вышло ему навстрѣчу. Капитанъ вни-
мательно оглядѣлъ толпу китайцевъ, не притаилась ли гдѣ-нибудь
за спиной женская фигура, но женщинъ не было. Когда же онъ
вошелъ въ свою половину, молодая китайка была тутъ и хлопотала
около стола.

— А! шанго!—воскликнулъ капитанъ, очень довольный встрѣчей
съ нею. Это было единственное слово, которое онъ зналъ, но и оно
было не китайское.

Китайка улыбалась и тоже сказала нѣсколько непонятныхъ
словъ. Разговоръ не клеился...

Она повидимому ждала его. На ея головѣ отъ затылка возвыша-
лось цѣлое панно изъ черныхъ расшитыхъ шелками лентъ, черезъ
которые была продѣта серебряная линейка. Щеки ея были нару-
мянены съ особеннымъ усердіемъ. На лѣвой рукѣ красовался мас-
сивный чешуйчатый серебряный браслетъ. Поверхъ шелкового
чернаго халата съ вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ по краямъ
рукавами одѣта была голубая шелковая безрукавка, тоже вышитая.

«Для служанки костюмъ слишкомъ нарядный»,—подумалъ ка-
питанъ.

На половину капитана, котораго уже считали «шибко знако-
мымъ», набралась масса китайцевъ, даже изъ другихъ фанзъ. Они
сидѣли и стояли кругомъ и съ любопытствомъ его разсматривали.
Ощущавали его серебрянные погоны, глядѣли въ его пенснэ и
очень смѣялись, что оно не держится на ихъ плоскихъ носкахъ.

Но капитану хотѣлось ѣсть, и онъ крикнулъ Гришуткина. Мо-
лодая китайка поняла, что непрошенные гости ему надоѣли, и
выпроводила всѣхъ китайцевъ. Пришелъ Гришуткинъ и заявилъ, что
ему ничего стряпать не дадутъ и старуха сама приготовляетъ обѣдь.

Молодая китайка скоро принесла полную миску дымящихся
пельменей. Капитанъ уныло вздохнулъ. Какъ ни былъ онъ голоденъ,
но ѣсть китайскіе пельмени не рѣшался.

«Попробовать все-таки нужно, чтобы не обидѣть хозяйку»—по-
думалъ онъ и, сбросивъ китель, присѣлъ къ столу. Китайка сей-
часъ же сѣла рядомъ съ нимъ, сунула ему въ руку палочки и стала
учить его ѣсть, какъ малаго ребенка. Она отъ души хохотала,
когда скользкіе пельмени выскальзывали у него изъ-подъ палоч-
чекъ. Приблизившись къ нему совершенно вплотную, она положила
руку на его плечо и стала его кормить сама. Эта сцена очень за-
бавляла капитана и послѣ трехъ, четырехъ пельменей, которые
онъ съѣлъ совершенно машинально, онъ почувствовалъ, что они до-
вольно вкусны. Кромѣ того, она такъ усиленно угощала его, не-
умолкаемо тараторила и такъ заразительно смѣялась, что пельмени

Денщикъ его высокоблагородія. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

ему все больше и больше нравились. Наконец, ему стало жарко от своей соседки, и он вытащил из кармана платок. Но не успел он им опухнуться, как она достала из-за ворота курмы вверь и стала его им обмахивать.

На минутку она вышла, чтобы принести второе блюдо. Это были кусочки какого-то мяса в коричневом соусе. Тремя же палочками он положил в рот несколько кусочков—оказалось тоже очень вкусно, и ему захотелось попробовать соус. Он поискал на столе ложку, но ее не было, тогда он жестами показал свое затруднение. Она сейчас же поднесла ему всю чашку к губам, наглядно показывая, как это просто делается.

Следующее блюдо был сладкий картофель, сваренный в сахар. Картофель имел форму огурцов и не был разрезан. Брать его тонкими палочками было совсем неудобно. Это делалось тоже гораздо проще. Соседка капитана взяла картошку пальцами и сначала откусила сама, а потом дала ему.

Последнее блюдо был вареный рис. Сухой, пресный и не-

Когда же он также пальцем указал, что у него только одна единственная жена, то она очень удивилась и посмотрела на него с глубоким сожалением, как на человека обиженного судьбой.

Чтобы удовлетворить ее любопытство, нужно было ей показать все, что он имел при себе интересного. Он между прочим снял с часовой цепочки брелок, в виде маленького компаса. Она приняла его за часы и стала подносить к уху и постукивать по стеклу своим узким ногтем, чтобы часы стали тикать. Странные часы продолжали молчать, но, несмотря на то, очень нравились ей.

«Наконец, нужно мне будет с ней разсчитаться»,—подумал капитан и принял озабоченный вид.

— Вот что, дорогая моя знакомая незнакомка Фанза,—начал он и провел рукой по воздуху:—куш-куш,—он показал на стол:—ошй кури-кури,—он показал на кант...

Китайка, не давая ему докончить, вскочила с места, очевидно, думая, что он хочет курить, но он остановил ее.

Допрос японского шпиона казаками в дер. близъ Кунь-Чу-Линга. По рисунку, авт. «Нивы».

вкусный. Брать его палочками казалось совершенно невозможным. Но китайка делала это так ловко, точно она показывала фокус.

Когда обед кончился, между капитаном и его дамой завязался оживленный разговор. Обмахивая капитана ввером, китайка трогала его волосы, смѣялась, показывая то на них, то на чашку, желая этим сказать, что ей странно видеть светлый цвет волос. Капитан в свою очередь показывал на ее черные блестящие волосы и на свои лакированные сапоги. Сравнение было не совсем элегантное, но китайка весело смѣялась, и оба были довольны, что понимали друг друга.

Приподнятые кверху капитанские усы приводили ее в восторг. Она опускала их вниз и говорила: «китаёза» и затѣм опять подымала кверху и, отделившись, как бы смотря на картину, повторяла:

— Луска капитана!

Увидѣвъ у него на пальце обручальное кольцо, она вертѣла его кругом и очень удивлялась, что на нем нѣтъ никаких украшений, въ родѣ, напримеръ, лягушки, какъ на ее серебряномъ кольце.

Капитан собралъ все свои мимическія способности и объяснил ей, что у него есть «мадама», съ которой онъ вмѣстѣ живетъ и которая носитъ такое же кольцо—словомъ, что онъ женатъ.

Китайка поняла его гораздо скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Эти вещи инстинктивно понимаютъ женщины всехъ странъ и народовъ.

Она сейчас же спросила, считая по пальцамъ, сколько у него женъ—двѣ, три, пять или больше.

— Моя плати деньги. Завтра солнце—моя ходи домой.

Онъ махнулъ рукой въ неопредѣленную даль.

— Рано ходи домой, твоя спи-спи...

«Чортъ возьми, какъ я шикарно говорю по-китайски»,—подумалъ онъ.—Только поняла ли она хоть что-нибудь?

Онъ вынулъ кошелекъ, досталъ десятирублевую бумажку и протянулъ ей.

Но китайка отлично его поняла. Она вдругъ надула губы, бросила вверь на столъ и, не взявъ бумажки, вышла изъ комнаты.

Этого капитанъ никакъ не ожидалъ. «Неужели»,—думалъ онъ:—все ее вниманіе и ухаживаніе за нимъ есть только плата за то, что онъ за нее заступился?..

Такое отношеніе его очень тронуло. Черезъ нѣсколько минутъ она опять пришла и молча стала убирать посуду. Онъ взялъ ее руку, чтобы показать, что онъ ищетъ примиренія. Она улыбнулась, взяла десятирублевку, знакомъ показала, чтобы онъ досталъ кошелекъ, и сунула туда деньги. Ей опять попался подъ руку брелокъ, лежавшій на столѣ. Она снова начала имъ любоваться. Видя это, капитанъ прицѣпилъ брелокъ къ застежкѣ ее курмы и далъ ей понять, что она можетъ его взять себѣ.

Она сейчас же выбѣжала изъ комнаты, но уже съ довольнымъ видомъ, и скоро вернулась съ цѣлой толпой китайцевъ. Пришелъ и старикъ. Онъ долго вертѣлъ въ рукахъ компасъ, совѣтовался съ другими китайцами и, наконецъ, объяснилъ молодой китайкѣ значеніе этого хитраго прибора. То ли онъ говорилъ, что слѣдуетъ,

Харбинь. Питательный пунктъ имени Государыни Императрицы Александры Теодоровны, гдѣ солдаты проходящихъ частей получаютъ даровой столъ. По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

капитанъ, конечно, не понялъ, но еще меньше, кажется, поняла его сама китайка, потому что, взявъ изъ рукъ старика кофасъ, она еще разъ постучала ногтемъ по стеклу, приложила его къ уху и, наконецъ, съ гордымъ видомъ нацѣпила его приготовленнымъ шнуркомъ и шпилькой у себя на груди. Какое ей было дѣло, что эти странные часы часовъ не показываютъ. Довольно того, что они имѣютъ что-то въ родѣ циферблата, стрѣлку, блестятъ и могутъ служить украшеніемъ.

Надо сказать по справедливости, что эта дама дале-

Харбинь. Внутренность столовой питательнаго пункта. По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Харбинь. Центральный складъ имени Государыни Императрицы Александры Теодоровны, откуда бесплатно выдаются предметы обихода для войскъ и лазаретовъ. Налѣво: уполномоченный, капитанъ П. Тыртовъ. Направо: завѣдующій складами, капитанъ В. Гальфертъ. По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

каго Востока въ данномъ случаѣ мало отличалась отъ дамъ далекаго Запада.

Воспользовавшись присутствіемъ старика, капитанъ началъ сводить съ нимъ счеты. Переговоры были очень сложные. Долго не могли другъ друга понять. Наконецъ, выяснилось, что старикъ за ночлегъ и за угощеніе денегъ, взявъ не желаетъ, а возьметъ только за куръ, которыхъ требовалъ самъ капитанъ, и за фуражъ лошадямъ. На этомъ и покончили.

Китайка подала чай. Капитанъ успѣлъ себя увѣрить, что онъ по-китайски до известной степени объясняться можетъ, въ особенности съ женщиной, и потому велъ разговоръ довольно бойко. Изъ длинной рѣчи китайки, которая между прочимъ нѣсколько разъ повторяла: «*та солни, линя солни*», онъ отлично по-

нять, что она уговаривала его остаться на одинъ или на два дня.

«Что же, это романъ?»—думалъ онъ.

Послѣ чая на канѣ появилась опять лампочка и трубка для опія. Матрасикъ съ подушкой лежали тутъ нетронутыми. Началось куренье, какъ и въ прошлый разъ, но теперь оно капитану понравилось больше, и онъ выкурилъ двѣ трубки подъ рядъ.

Когда стемнѣло, онъ точно такъ же, какъ и въ прошлый разъ отворилъ верхнее окно, подозвалъ Гришуткина, но на этотъ разъ приказалъ, чтобы всѣ вѣстовые спали на дворѣ...

Рано утромъ капитанъ собрался въ путь. Старикъ на дворѣ уже распоряжался рабочими, посылая ихъ въ поле. Съ капитаномъ онъ попрощался безконечными поклонами, повторяя: «шибко знакомы», и жестами приглашалъ его заѣзжать къ нему въ гости. Капитанъ еще разъ попробовалъ дать ему денегъ, но тотъ отказался.

Прѣзжая въ воротахъ, капитанъ обернулся къ фанзѣ,

Харбинь. Посадка плѣнныхъ японцевъ въ вагоны. По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Харбинь. Сборный этапный пункт для выздоравливающих больных и возвращающихся в строй. По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

не ходил даже в общую столовую, где обедали офицеры штаба и где обыкновенно долго засиживались, а приказать принести обед к нему в пембшение.

В 9 часов вечера он явился к начальнику штаба.

— Ну, покажите, что вы съѣли? — встрѣтил его генерал, сѣдя в китайском креслѣ передь большим красным, тоже китайским столомъ, на которомъ набросаны были карты, бумаги, стоял японскій разстрѣлянный снарядъ, рядомъ съ банкой московскаго варенья.

Капитанъ бережно вынулъ изъ планшета листы и разложилъ ихъ на столѣ.

— Очень мило, очень мило, — говорил генералъ, одѣвъ пенснэ и бѣгло осматривая листы. — Даже параллельки нанесены и даже отдѣльные деревья...

— Я, ваше превосходительство, другой съемки не признаю...

— Очень мило... благодарю вас... ну, какъ вамъ ѣздило?..

— Со мной, ваше превосходительство, случилось несчастье. Одинъ изъ моихъ людей потерял поставецъ со всей провизией...

— А! за это необходимо наказать. Поставьте его подь ружье... Ну, и чѣмъ же вы питались?

— Вь данномъ случаѣ, ваше превосходительство, помогла женщина...

Генералъ сбросил пенснэ и заморгалъ глазами.

— Какая женщина? Сестра?

— Никакъ нѣтъ, китайка... И даже очень интересная...

— Воображаю...

— Даю слово, ваше превосходительство. Я самъ думалъ, что между ними нѣтъ интересныхъ, но теперь иного мнѣнія. Разумѣется, вь богатыхъ деревняхъ, вь родѣ нашихъ уѣздныхъ городовъ, какъ, напримѣр, гдѣ я останавливался—вь деревнѣ Путунде... ихъ очень много...

— Красивыхъ женщинъ?

— Нѣтъ, этихъ деревень, т.-е. подь этимъ же названіемъ. Женщину... интересно... я видѣлъ только одну... И могу сказать, что у этихъ китайнокъ много общаго съ европейскими женщинами...

— Да что вы...

— Даю слово, ваше превосходительство. Конечно, отличаются только наружностью, а... вь смыслѣ духовномъ такъ сказать... инстинкта, китайка очень похожа на нашу европейскую женщину...

— Ну, что вы...

— Даю слово, ваше превосходительство: тѣ же манеры, то же кокетство, можетъ-быть, нѣтъ того изящества, но вь сущности то же... и вообще все рѣшительно такое же, какъ и у нашихъ женщинъ...

— Да что вы...

Генералъ удивился такимъ тономъ, точно онъ этого никакъ не ожидалъ.

— И притомъ какъ онѣ понимаютъ чувство благодарности. Эта семья, вь фанзѣ которой я жилъ, снабдила меня всѣмъ необходимымъ и положительно вынуждала со мной, какъ съ ребенкомъ, и все это за то, что я съ ними обошелся гуманно...

— Гм... ну, а женщина при чемъ?

— Собственно она и была причиной. Съ ней обошелся грубо одинъ изъ моихъ людей, и я за нее заступился.

— Да... ну это всегда слѣдуетъ...

— И затѣмъ, поближе присмотрѣвшись къ китайцамъ, я, ваше превосходительство, думаю, что между ними можно было бы найти преданныхъ людей... и полезныхъ... для развѣдывательной службы...

— Вы думаете?.. И могли бы указать?..

— Такъ точно... Я бы могъ... ваше превосходительство...

— Хорошо... объ этомъ мы потолкуемъ вь другой разъ. У васъ тутъ все?

— Все, ваше превосходительство... пять листовъ...

Генералъ всталъ.

— Завтра покажу командиру корпуса и пошлю вь военно-топографическій отдѣлъ...

Генералъ пожалъ капитану руку, и тотъ вышелъ.

Онъ испытывалъ чувство челоѣка, исполнившаго свой долгъ. Только эту ночь онъ рассчитывалъ отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Онъ зашелъ вь столовую, гдѣ штабные вь это время ужинали, хотѣлъ-было рассказать офицерамъ о своемъ приключеніи, придумавъ даже нѣкоторыя пи-

канные подробности, но ему пришлось сѣсть рядомъ съ генераломъ, вновь назначеннымъ начальникомъ артиллеріи корпуса, который безъ устали рассказывалъ старые анекдоты. Всѣмъ присутствующимъ они были уже давно знакомы, но послѣ каждаго анекдота офицеры одобрятельно смѣялись, и генералъ сейчасъ же начиналъ другой.

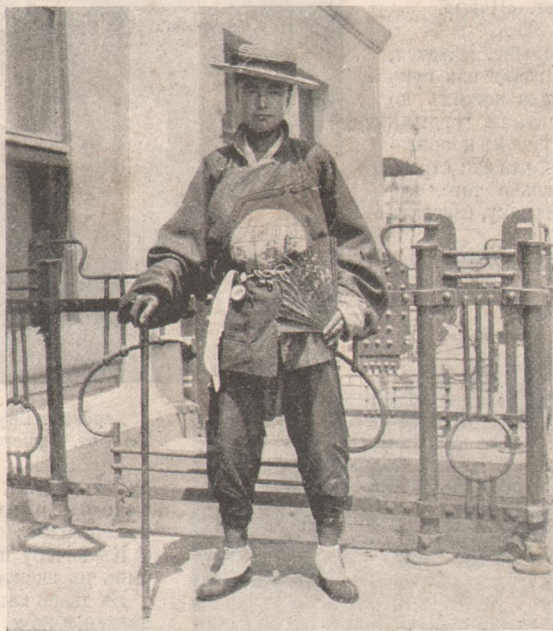
Капитанъ съѣлъ жесткій бифштексъ, выпилъ два стакана чаю тоже смѣялся и ждалъ, когда генералъ кончитъ, но не дождался и ушелъ.

На томъ же дворѣ, вь фанзѣ, вь которой онъ помѣщался съ тремя другими офицерами, было пусто. Одинъ былъ вь командировкѣ, а двое другихъ ужинали вь столовой. Капитанъ вынулъ изъ чемодана свой дневникъ, вь видѣ записной книжки съ красивымъ декадентскимъ переплетомъ. Онъ не заполнялъ его регулярно, изо дня вь день, а заносилъ туда наиболее интересные эпизоды изъ военной жизни. На чистомъ листѣ вь видѣ заглавія онъ написалъ: «*Китайская женщина*». Потомъ зажегъ свѣчу, прочиталъ написанное заглавіе, вычеркнулъ его и написалъ: «*Дерева Путунде*».

Вь это время вь фанзу вошелъ его денщикъ и доложилъ, что начальникъ штаба проситъ его къ себѣ.

Генералъ стоялъ, нагнувшись передь каномъ, гдѣ на циновкахъ была разложена большая карта и стояла свѣча.

— Скажите пожалуйста, — встрѣтилъ онъ капитана: — почему у васъ на чертѣ такъ много деревьевъ подь однимъ названіемъ... какъ... тамъ?..

Харбинь. Китайскій полицейскій на улицѣ. По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Харбинь. Сборный этапный пунктъ. По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Он подошел къ столу, гдѣ лежали листы, и заглянул въ одинъ изъ нихъ.

— Да... Путунде... Что-то ужъ слишкомъ много этихъ Путунде...

— При чемъ же я-то тутъ, ваше превосходительство?

— Какъ при чемъ? Вѣдь вы же дѣлали съемку. Командиръ корпуса не повѣритъ. Скажете, что вы подѣлились и сами придумали...

— Помилуйте, ваше превосходительство — я, кажется, добросовѣстно исполнилъ свое дѣло. Чѣмъ же я виноватъ, что китайцы такіе, съ позволения сказать, идиоты...

— Я съ вами согласенъ, но согласитесь и вы, что этимъ подрывается довѣріе къ вашей работѣ, уже сама внѣшность отъ этого проигрывается. Работа исполнена прекрасно, словъ нѣтъ, но вотъ сталъ внимательно просматривать, и мнѣ не понравилось... Все Путунде да Путунде... У меня даже въ глазахъ зарыбило...

— Что же прикажете сдѣлать, ваше превосходительство?

— Ну, подыщите какія-нибудь другія, разныя названія, чтобы это было правдоподобно... Мало ли тамъ у нихъ... Наньдягоу, Пуньдягоу, Шаулинза, Минзалинза, Мамапуза, Папапуза... и въ такомъ родѣ... Все равно ихъ никто не разберетъ... Вотъ и наша деревня... Мы ее называемъ Лафатунъ, а я на-дняхъ спрашивалъ у какого-то китайца, и онъ назвалъ какъ-то въ родѣ Пудяндянъ или Бумъ-динъ-динъ, ужъ я не помню хорошенько.

Генералъ на минуту задумался, потряхивая листомъ, который онъ держалъ въ рукахъ.

— Наконецъ, можетъ-быть, у васъ вышла какая-нибудь ошибка... съ вами былъ переводчикъ?

— Такъ точно, былъ... Тотъ самый, котораго вы мнѣ указали — ефрейторъ Бурлаковъ.

— Ну, и что же онъ?

— Очень плохъ, ваше превосходительство.

— Гм... Можетъ-быть, онъ лучше знаетъ чисто китайскій языкъ, а не манчжурскій. Вѣдь въ этихъ двухъ нарѣчіяхъ есть нѣкоторая разница...

— Сомнѣваюсь, ваше превосходительство... Съ нимъ я былъ совершенно какъ безъ языка. И очень жалѣлъ, что не взялъ нашего китайца-переводчика.

— Ахъ, да, кстати... Вотъ хорошо, что вы напомнили. Это будетъ самое лучшее. Вы посоветуйтесь съ Валентиномъ, онъ даже, кажется, самъ родомъ изъ Фушуня. Заберите съ собой вашу работу, покажите ему, онъ человѣкъ толковый, отлично читаетъ карту... Вместе что-нибудь и придумаете...

Генералъ собралъ листы и очень довольный, что онъ придумалъ такое удачное рѣшеніе, протянулъ капитану руку и отпустилъ его.

Валентинъ или Валентинъ Петровичъ былъ природный китаецъ-манчжуръ и служилъ переводчикомъ при штабѣ корпуса. Настоящее имя его было Ли-ван-тинъ, но офицеры переименовали его въ Валентина, что для русскаго уха гораздо благозвучнѣе.

Ливантинъ окончилъ курсъ въ пекинскій высшей школѣ, нѣсколько лѣтъ жилъ въ Японіи, изучилъ языкъ, и, когда строилась манчжурская желѣзная дорога, онъ вернулся на родину и занялся поставкой фуража для командъ охранной стражи. Какъ всѣ китайцы, онъ очень быстро и въ совершенствѣ изучилъ русскій языкъ.

Когда началась война, онъ занялся поставкой мяса для нѣкоторыхъ русскіхъ полковъ. Это дѣло у него однако не пошло. Быковъ, которыхъ онъ пригонялъ съ Ляохе, раза два расхитили хунхузы, и онъ кончилъ тѣмъ, что, во-первыхъ, женился, а во-вторыхъ, поступилъ переводчикомъ въ штабъ корпуса, на жалованье въ сто рублей въ мѣсяць, что для китайца, даже образованнаго, весьма достаточно.

Всѣ офицеры знали, что у Ливантина очень красивая жена, но онъ не только не соглашался показать ее, но даже избѣгалъ разговора о ней.

За получаемые сто рублей Ливантинъ служилъ чачальству вѣрой и правдой и даже съ опасностью для жизни. Онъ получалъ очень частыя командировки въ Чифу, рискуя своей шкурой, такъ какъ японцы ловили и вѣшали китайско-русскіхъ переводчиковъ, и привозили оттуда для офицеровъ штаба чечучу, сигары и очень красивые китайскіе халаты.

Капитанъ, выйдя отъ начальника штаба, прошелъ въ уголь двора, гдѣ въ отдѣльной маленькой фанзѣ, въ родѣ сарая, помѣщались

ординарцы, и велѣлъ одному изъ нихъ провести себя къ переводчику Валентину.

На дворѣ было темно. Переводчикъ жилъ въ той же деревнѣ, но нѣсколько дворовъ дальше. Ординарецъ пошелъ съ фонаремъ впереди, а капитанъ, шагая за нимъ, думалъ о томъ, что необходимо будетъ, пожалуй, снова слѣзть въ Фушунь, но уже съ Валентиномъ. Онъ былъ не прочь отъ этого, тѣмъ болѣе, что поѣздка теперь не потребуетъ работы, и благодаря переводчику, онъ ближе ознакомится съ семейнымъ бытомъ китайцевъ, при чемъ онъ, конечно, остановится въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ знакомая молодая китайка. Онъ будетъ имѣть возможность интересно съ ней побесѣдовать и узнать ея семейное положеніе.

«Непремѣнно поѣду, — рѣшилъ онъ: — это будетъ полезно съ научно-этнографической стороны».

Фанза, въ которую они вошли, была полна народу. Если бы съ ними не было фонаря, то капитанъ, войдя впередъ, сразу вступилъ бы въ кучу человѣческихъ тѣлъ. Тутъ было темно, и только налѣво въ углу горѣлъ маленькій огонекъ, слабо освѣщая нѣсколько сидящихъ около него фигуръ.

Въ фанзѣ спали китайцы-работники мѣстнаго богатаго землевладельца. Головами кнаружи они, въ большинствѣ совершенно нагѣ, лежали на канахъ плотными рядами. На полу лишь посерединѣ оставался узкій проходъ, а по сторонамъ на циновкахъ лежали такіе же коричневыя тѣла.

Остановившись при входѣ, капитанъ громко спросилъ:

— Здѣсь Ливантинъ?

— Здѣсь! — отвѣтилъ голосъ изъ освѣщеннаго угла.

Капитанъ прошелъ впередъ, причемъ ординарецъ, держа сбоку фонарь, освѣщалъ ему дорогу, такъ какъ узкій проходъ мѣстами преграждался распростертыми на полу руками и ногами.

— Подожди меня у входа, — сказалъ капитанъ ординарцу.

Изъ угла, гдѣ устроена была постель, отгороженная отъ остальной части кана низкимъ столикомъ, на которомъ лежала книга и принадлежности для куренія опиума, выступила фигура китайца въ черномъ халатѣ.

— Здравствуй, Валентинъ, — сказалъ капитанъ.

— Здравствуйте, господинъ капитанъ, — отвѣтилъ китаецъ, чисто выговаривая по-русски.

— Ты спалъ?

— Никакъ нѣтъ, я немного смотрѣлъ, какъ играютъ въ карты, а спать еще мало время...

Капитанъ только при этихъ словахъ Ливантина обратилъ вниманіе на группу, около которой онъ остановился.

Четыре китайца, сиди на канѣ, играли въ карты. Между ними стоялъ такой же столикъ, какъ и около постели Ливантина — низкій, около четверти аршина, квадратный и крытый краснымъ лакомъ. На канѣ, рядомъ со столомъ, стоялъ какой-то ящикъ, на которомъ поставлена была чашка съ бобовымъ масломъ. По краю чашки протянулся фитиль, верхній конецъ котораго горѣлъ тусклымъ огонькомъ, сильно коптившимъ. Игроки были совершенно нагѣ и въ живописныхъ позахъ сидѣли на канѣ кругомъ стола. Масса маленькихъ картъ, верхка въ полтора длиною и въ палецъ шириною, лежала на столѣ и имѣлась въ рукахъ у играющихъ. Передъ каждымъ на столѣ лежали различной величины кучи чоховъ. Игра была азартная. Коричневые руки нервно бросали на столъ маленькія карты, разрисованныя какими-то значками черной масти, звонко прикладывая чохъ къ чохамъ, и мимоходомъ утирали вспотѣвшія отъ духоты и азарта лица.

Разговоръ между ними не было, и только изрѣдка раздавалось отрывистое замѣчаніе, относящееся къ самой игрѣ. Тусклый огонекъ слабо освѣщалъ ихъ загорѣлыя лица, но когда кто-нибудь подымалъ глаза на своего сосѣда, то видно было, какъ они горѣли нескрываемымъ азартомъ. Проигрывалъ плотный, мускулистый, съ хорошо выбритымъ лицомъ китаецъ и волновался болѣе всѣхъ. Его длинная коса, раньше свернутая, какъ и у остальныхъ, распуталась и упала на колѣни. Онъ не могъ сдерживать своего волненія и онъ вскидывалъ взглядъ, полный ненависти, на своихъ партнеровъ, какъ на заклятыхъ враговъ. Передъ нимъ лежала самая маленькая кучка чоховъ.

Увлеченные игрою, они не обратили вниманія на вошедшаго офицера и, казалось, даже не замѣтили его.

— Это кто такіе? — спросилъ капитанъ у Ливантина.

Подполковникъ Полуэктовъ и офицеры 118 Шуйскаго пѣхотнаго полка на верандѣ китайской фанзы. По фот. авт. «Нивы».

— Это здѣшніе... Вотъ тотъ, который проигралъ—это самъ хозяинъ.

— А много онъ проигралъ?

— Порядочно... больше двухъ рублей... Вотъ тѣ другіе—это работники... А вотъ этотъ на краю—полицейскій...

— Полицейскій? Зачѣмъ же онъ играетъ?

— А онъ нынѣшнюю ночь дежурный. Ему спать нельзя... вотъ онъ и играетъ...

Около полицейскаго на канѣ лежала его красная курма съ черной обшивкой и бамбуковая палка, при помощи которой онъ обыкновенно объяснялся съ обывателями своего района.

— Хорошее дежурство,—ухмыльнулся капитанъ, оглядывая хилую фигуру полицейскаго, который, пользуясь свободнымъ моментомъ, жадно пересчитывалъ свою высокую стопку чоховъ.

— Такъ вотъ что, Валентинъ...—обратился капитанъ къ переводчику.—Я къ тебѣ по дѣлу. Дня черезъ два поѣдемъ съ тобой въ Фушунъ, а оттуда дальше...

— Слушаюсь... Мнѣ это мѣсто очень много знакомо...

— Тѣмъ лучше... Я только-что ѣздилъ и вотъ составилъ карту... Но тутъ что-то не ладно... Твои китайцы или совсѣмъ идіоты, или мнѣ что-нибудь наврали...

Капитанъ поднесъ къ огоньку первый листъ, и Ливантия сталъ его разсматривать.

— Нѣтъ это очень правильно... Вотъ тутъ Фушунъ, а тутъ дорога, а тутъ должна быть моя деревня... Тамъ мой домъ... тамъ мой старый отецъ...

— Постой... постой... Я, пожалуй, въ этой деревнѣ и останавливался...

— Очень приятно, господинъ капитанъ... Если вы останавливались въ моей фанзѣ, тогда мой старый отецъ вѣрно былъ очень радъ, что у него въ фанзѣ былъ русскій офицеръ... Мой отецъ очень любитъ русскихъ...

Внезапная мысль пришла въ голову капитану.

— А твоя жена тоже тамъ живетъ?—спросилъ онъ, какъ бы

мимоходомъ.

— Не надо говорить про мою жену... Китайскія женщины этого не любятъ... Онѣ своего лица никогда не показываютъ чужимъ мужчинамъ...

— Да, да... но твоя фанза крайняя, если ѣхать отсюда?

— Т а к ѣ точно, крайняя... Около рѣки... Моя фанза хороша я. Мой отецъ самый богатый въ деревнѣ...

— Ну, конечно, конечно... Значитъ, тамъ вся твоя семья живетъ... и жена, конечно, тамъ же?

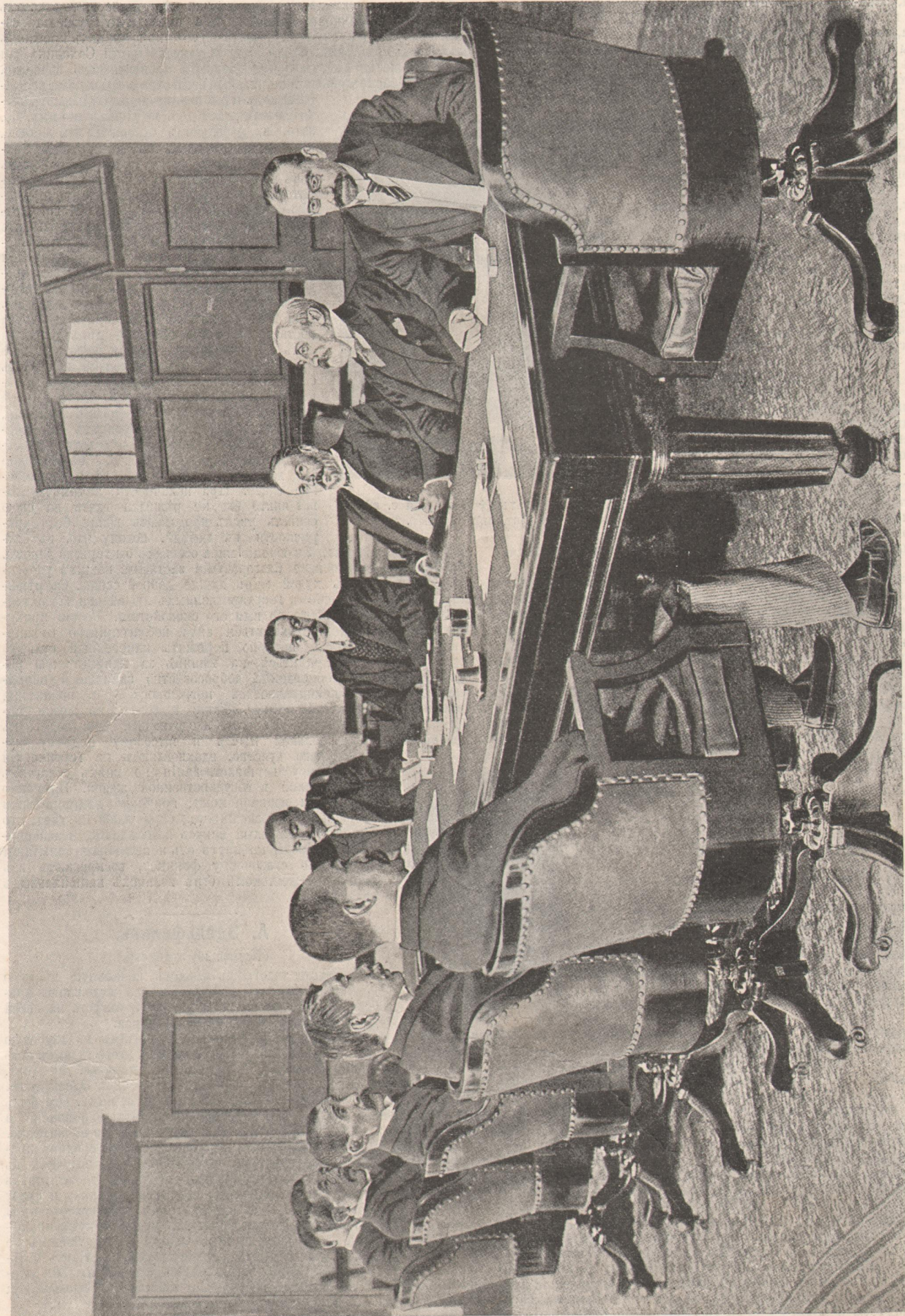
— Ну, все равно, господинъ капитанъ, зачѣмъ говорить. Она живетъ, конечно, тамъ, у моего отца... Но ее никогда нельзя видѣть, она своего лица не показываетъ... Китайскія женщины очень правильно живутъ... Онѣ очень много своего мужа любятъ, и чужимъ людямъ никогда лица не показываютъ...

— Ну, конечно... я же не спорю... Такъ вотъ что, Валентинъ... я думаю, что... намъ даже не стоитъ ѣхать такую даль... Если ты помнишь тамошнія деревни...

— Отчего

Прачки. Картина А. Эдельфельта. (Музей Императора Александра III), авт. «Нива».

Коростовцевъ.

Бар. Розенъ.

Витте.

Набоковъ.

Плансонъ.

Саго.

Такахира.

Комура.

Очая.

Мирная конференція въ Портсмутѣ. Засѣданіе уполномоченныхъ. По фот. авт. «Нивы».

не похвать, господин капитанъ... Дорога очень хорошая... У моего отца самый лучший опиум—шанхайскій... Когда-нибудь пробовали курить опиумъ?..

— Да, какъ-то недавно пробовалъ...

— И вамъ понравился, господин капитанъ?..

— Да, ничего... довольно приятно...

— Вы покушайте у моего отца очень хорошія пельмени, настоящія китайскія...

— Это я тоже пробовалъ... Нѣтъ, братъ, я все-таки думаю не ѣхать... Куда тамъ, къ чорту, переть по такой жарѣ... Если ты знаешь названія деревень, хоть самыхъ главныхъ, то можно будетъ и здѣсь исправить... Вотъ, смотри сюда...

Капитанъ сталъ водить пальцемъ по картѣ.

— Кого ни спрошу, какъ названіе деревни—все говорятъ Путунде...

— Ну, да, очень глупые люди, они не понимаютъ...

Ливантинъ взглянулъ въ карту.

— А зачѣмъ вы, господин капитанъ, это написали сюда—Путунде одинъ, Путунде другой... Путунде третій...

И не договоривши, Ливантинъ неожиданно прорвался такимъ громкимъ смѣхомъ, что сидѣвшій рядомъ и считавшій свой выигрышъ полицейскій вздрогнулъ, и схватился за бамбуковую палку.

— Да ты объяни прежде, чѣмъ хохотать, — пытался остановить его капитанъ.

Но Ливантина остановить было уже трудно. Онъ сѣлъ на канъ и, ухватившись за бока, прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— Это... господин капитанъ... по-китайски... *пу—тунде* обозначаетъ... все равно... какъ по-русски... *не понимаю*...

Капитанъ быстро пересмотрѣлъ все свои листы, и у него, какъ и у начальника штаба, зарябило въ глазахъ.

— Ты, завтра, заходи ко мнѣ утромъ,—сказалъ онъ Ливантину и сталъ пробираться между лежащими тѣлами.

Ливантинъ, между тѣмъ, не прерывая смѣха, сталъ говорить что-то игравшимъ, которые прекратили игру и, когда онъ кончилъ, принялись вмѣстѣ съ нимъ хохотать на разные голоса. У хозяина, несмотря на его фигуру, голосъ оказался тоненькій и визгливый. Онъ забылъ о проигрышѣ, съ размаху бросилъ карты на столъ и повалился на спину, топчая по кану своими ногами. Спящіе, разбуженные смѣхомъ, какъ тѣни, вставали съ кановъ и съ пола и, услыша повтореніе разсказа, тоже принимались хохотать хриплыми съ просонья голосами. Два китайца, неожиданно разбуженные и неуспѣвшіе опомниться отъ испуга, накинута на плечи свои синія кофты и опротивью бросились изъ фанзы на дворъ. Близкія къ дому собаки подняли лай, и передали его въ отдаленный конецъ тихо спавшей деревни...

Маймакай.

В. Табуринъ.

Заключеніе мира.

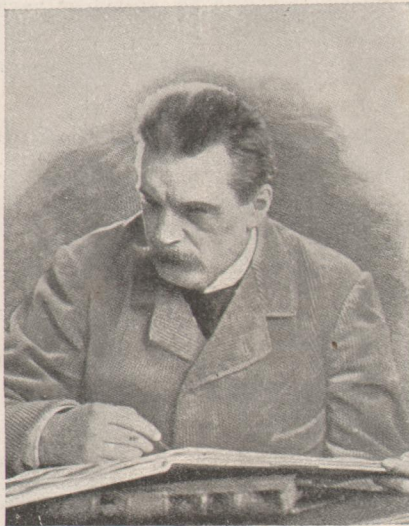
(Политическое обозрѣніе).

Затяжные, сопровождавшіеся напряженной борьбой, почти все время висѣвшіе на волоскѣ подъ угрозой разрыва, портсмутскіе переговоры о мирѣ неожиданно для всѣхъ закончились, наконецъ, соглашеніемъ воюющихъ державъ. Эта радостная вѣсть быстро облетѣла всѣ страны и въ самомъ Портсмутѣ вызвала шумныя проявленія восторга.

По словамъ корреспондентовъ, особенно сильнъ былъ взрывъ энтузіазма въ Америкѣ. Толпа кричала «ура!», а американскія дамы махали платками и проливали слезы радости. У насъ, въ Петербургѣ, извѣстіе о соглашеніи, заключенномъ уполномоченными, не вызвало такихъ буйныхъ проявленій народнаго ликования, но все-таки было встрѣчено съ нескрываемымъ чувствомъ облегченія. Русское общество не столько радовалось условіямъ мира, сколько прекращенію войны. Мирныя условія, сами по себѣ, не могутъ быть названы слишкомъ обременительными, или невыгодными. Хотя война не была доведена до конца, который могъ оказаться совсемъ непохожимъ на ея начало, тѣмъ не менѣе неудачи русскаго оружія все-таки не могли не оказать своего вліянія на ходъ и исходъ переговоровъ. Съ первыхъ же дней конференціи русскіе уполномоченные отказались и отъ арендныхъ правъ на Квантунскій полуостровъ, переуступленныхъ Японіи, и отъ южной части Манчжурской дороги, охотно признали фактическій протекторатъ ея надъ Кореей, приняли на себя обязанность эвакуировать Манчжурію и пр., и пр., и пр. Эти уступки не влекли за собою никакого ущерба и потому были сдѣланы съ полной готовностью. Наибольшія затрудненія встрѣтились по вопросу о контрибуціи,

уступкѣ Сахалина, передачѣ Японіи всѣхъ интернированныхъ въ иностранныхъ гаваняхъ русскихъ военныхъ судовъ и ограниченіи права Россіи увеличивать свой флотъ въ Тихомъ океанѣ. По всѣмъ этимъ пунктамъ Россія отвѣтила категорическимъ отказомъ и только послѣ личнаго вмѣшательства президента Рузвельта согласилась на уступку южной части острова въ границахъ прежнихъ японскихъ владѣній. Сама по себѣ уступка части Сахалина для Россіи тоже не имѣетъ почти никакого практическаго значенія, такъ какъ баснословныя минеральныя богатства острова нами не разрабатываются и потому не оправдываютъ значительныхъ расходовъ по управленію имъ. Но, зато, въ моральномъ отношеніи эта жертва, принесенная Россіей на алтарь мира, несомнѣнно стоитъ намъ очень дорого, такъ какъ по общепринятому правилу уступка территорій равносильна официальному признанію себя побѣжденною стороной. Наши уполномоченные, очевидно, не хотѣли жертвовать реальными выгодами во имя условныхъ понятій и предпочли уступить часть нашей области, дабы избавить свою страну отъ продолженія кровопролитія, колоссальныхъ военныхъ расходовъ и риска новыхъ неудачъ.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыя мы были поставлены, боѣе сносный миръ едва ли былъ бы возможнымъ. Россія имѣетъ полное право радоваться такой развязкѣ и считать ее благополучною, потому что при недостаточной боевой организаціи арміи, флота и путей сообщенія съ театромъ военныхъ дѣйствій, при непрерывныхъ забастовкахъ на заводахъ военнаго и морскаго вѣдомствъ и безпорядкахъ внутри имперіи, наименьшее зло должно считаться уже за положительное благо. При наличности такихъ условій никто бы не рѣшился взять на свою совѣсть рискъ продолжать войну безъ увѣренности въ побѣдѣ, потому что, въ случаѣ новыхъ неудачъ, заключеніе мира обошлось бы гораздо дороже. Простое государственное благоразуміе заставило нашихъ уполномоченныхъ считать худой миръ лучше доброй ссоры. Съ рѣшимостью и хладнокровіемъ государственныхъ людей они пожертвовали самолюбіемъ народа во имя его спокойствія. Россіи приходится волей-неволей подчиниться силѣ неблагоприятнаго сложившагося обстоятельства, покорно пережить нанесенный судьбою жестокой ударъ и принятая въ тишинѣ за напряженную работу внутренняго обновленія, добросовѣстно занявшись исправленіемъ всѣхъ неисправностей, погрѣшностей и пробѣловъ, указанныхъ неудачной войною. Такие моменты въ жизни націй мучительно тяжелы, но зато плодотворны. Они ведутъ къ просвѣтленію національной мысли и высокому подъему національнаго чувства, вдохновляютъ на героическій трудъ самоусовершенствованія во всѣхъ областяхъ общественной и государственной жизни. Именно утраченная военная мощь, временно померкнувшая военная слава возвращается сама собой къ тѣмъ, кто выдержалъ тяжелый искусь возрожденія. Жизнеспособные народы крѣпнутъ отъ понесенныхъ испытаній и, подобно сказочному фениксу, воскресаютъ изъ пепла въ жестокомъ огнѣ великихъ національных катастрофъ.

А. Эдельфельтъ († 5 августа с. г.).

По фот. авт. «Нивы».

В. В. Подвысоцкій.

По фот. авт. «Нивы».

А. Эдельфельтъ.

(Портр. на этой стр.).

6 августа телеграфъ принесъ печальную вѣсть о кончинѣ знаменитаго финляндскаго художника Альберта Эдельфельта. Онъ умеръ 5 августа на своей дачѣ въ Борго, близъ Гельсингфорса.

Это извѣстіе несомнѣнно повергнетъ въ глубокую грусть всѣхъ, кто зналъ и любилъ этого талантливаго гѣвца финляндской сумрачной природы, ея горъ, озеръ и задумчивыхъ, сосредоточенныхъ жителей. А Эдельфельтъ зналъ всѣхъ, кто любитъ искусство и слѣдить за нимъ. Это былъ не финляндскій только, но и европейскій талантъ: европейскій и по извѣстности его въ предѣлахъ всей Европы, и по воспитанію.

Альбертъ Эдельфельтъ родился въ Финляндіи въ срединѣ прошлаго столѣтія. Художественное образованіе онъ получилъ въ Антверпенѣ и Парижѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ дебютировалъ въ 1877 году превосходною картиною «Королева Бланка» и сразу обратилъ на себя вниманіе какъ публики, такъ и художественной критики. Успѣхъ перваго дебюта открылъ молодого художника—Эдельфельту тогда было всего 24 года,—и онъ въ слѣдующемъ же году выставилъ вторую большую картину: «Герцогъ Карлъ издѣвается надъ трупомъ своего врага, Класа Флеминга». Эта картина вызвала еще большій восторгъ, и извѣстность Эдельфельта была съ этого времени окончательно обезпечена.

Художникъ поселился тогда на продолжительное время въ Парижѣ. Увлеченный знаменитымъ Бастьенъ-Лепажемъ и его «plein air'омъ», Эдельфельтъ перешелъ на этотъ родъ письма и сталъ

писать народные сцены из финской жизни и финские пейзажи «на свѣту», т. е. съ яркой воздушностью и легкостью тонов. Колоритность картин финляндскаго художника и ихъ интересное содержаніе все болѣе и болѣе привлекали къ нему симпатіи общества и художественныхъ круговъ, и въ 1882 году его картина «Обѣдъ» была приобретена французскимъ правительствомъ для Люксембургскаго музея.

Не менѣйшій успѣхъ Эдельфельтъ приобрѣлъ и своими великолѣпными по технике и выразительности исполненіи портретами. Особенно много разговоровъ въ свое время возбудилъ портретъ знаменитаго бактериолога Пастера въ его лабораторіи.

Впрочемъ, большую часть рабочаго времени Эдельфельтъ всѣтаки посвящалъ своей родной Финляндіи. Даже работая въ дали отъ родины, онъ неустанно воспроизводилъ на полотнѣ ея типы, пейзажи, ея былую и современную жизнь. Горячая любовь къ родному краю бьетъ ключомъ въ произведеніяхъ Эдельфельта и придаетъ имъ яркость и удивительную цѣлостность. Въ нихъ чувствуется художникъ со строго опредѣленной творческой дѣятельностью, занимающій исключительное мѣсто въ ряду современныхъ живописцевъ.

Эдельфельтъ въ болѣе позднее время работалъ у себя на родинѣ. Онъ сдѣлалъ множество рисунковъ къ исторіи Финляндіи, иллюстрировалъ книги и расписывалъ стѣны актовъ залы въ Гельсингфорсскомъ университетѣ. Смерть захватила его въ полномъ расцвѣтѣ таланта и въ разгарѣ энергической плодотворной дѣятельности.

Для финляндскаго искусства Эдельфельтъ имѣетъ колоссальное и пока даже исчерпывающее значеніе. До него Финляндія еще не дала ни одного европейски-извѣстнаго имени, да и теперь кромя Эдельфельта трудно указать кого-либо изъ финскихъ художниковъ, хотя бы даже менѣе извѣстнаго въ Европѣ. Онъ поднялъ родное искусство на огромную высоту почти изъ небытія.

У насъ въ музеѣ императора Александра III имѣется одна изъ лучшихъ картинъ Эдельфельта «Прачки». Эта картина даетъ полное представленіе о прекрасномъ, яркомъ и глубоко талантливомъ покойнаго художника.

В. В. Подвысоцкій.

(Портр. на стр. 718).

Одинъ изъ крупнѣйшихъ разсадниковъ высшего медицинскаго образованія въ Россіи, с.-петербургскій институтъ экспериментальной медицины, получилъ новаго руководителя.

Директоромъ института недавно назначенъ извѣстный русскій патологъ, проф. В. В. Подвысоцкій, занимавшій за послѣднее время должность ординарнаго профессора новороссійскаго университета. Имя В. В. Подвысоцкаго знакомо не только въ Россіи, но за границей.

Владиміръ Валеріановичъ Подвысоцкій родился въ 1857 году и былъ сыномъ извѣстнаго русскаго фармаколога В. О. Подвысоцкаго. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Женевѣ, а затѣмъ въ житомирской гимназій, по окончаніи которой поступилъ на медицинскій факультетъ кievскаго университета.

Въ 1884 году молодой ученый съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ на доктора медицины въ спб. военно-медицинской академіи, а чрезъ годъ былъ командированъ съ ученой цѣлью за границу, гдѣ и работалъ у извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ патологовъ — въ Тюбингенѣ и Мюнхенѣ.

Позднѣе В. В. Подвысоцкій состоялъ приватъ-доцентомъ военно-медицинской академіи (по кафедрѣ патологіи), а въ 1891 году былъ назначенъ въ кievскій университетъ — ординарнымъ профессоромъ. Проживая въ Кіевѣ, В. В. Подвысоцкій сверхъ того взялъ на себя трудъ завѣдывать лѣчебницей и курсами мѣстной Маріинской лѣчебницы Краснаго Креста.

Изъ многочисленныхъ научныхъ трудовъ В. В. Подвысоцкаго заслуживаютъ особаго вниманія его сочиненія, посвященныя изученію возрожденія тканей и каріомитозу, за которыя онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ «Анатомическаго общества» въ Парижѣ и удостоенъ русскою академіею наукъ преміи имени Бэра. Въ 1897 году появился въ печати капитальный трудъ В. В. Подвысоцкаго: «Основы общей патологіи, руководство къ изученію физиологіи больного человѣка». Кромя того, В. В. Подвысоцкій много работалъ на журнальномъ поприщѣ, редактируя съ 1881 года ежемесячный журналъ на русскомъ и французскомъ языкахъ: «Русскій архивъ патологіи, клинической медицины и бактериологіи».

Въ лицѣ В. В. Подвысоцкаго институтъ экспериментальной медицины приобрѣтаетъ талантливаго и въ высшей степени компетентнаго руководителя, вполне способнаго блюсти и направлять дѣятельность этого оригинальнаго учено-учебнаго высшаго заведенія. Задачей института экспериментальной медицины, какъ извѣстно, является способствованіе къ дальнѣйшему самоусовершенствованію врачей, уже получившихъ медицинское образованіе.

И такимъ образомъ, на долю В. В. Подвысоцкаго теперь выпадаетъ почетная роль «учителя ученыхъ».

Фея Раутенделейнъ. (Рис. на стр. 701).

Звучное, красивое имя «Раутенделейнъ» носитъ престелная фея, фигурирующая въ извѣстной драмѣ Г. Гауптмана «Потопнувшій колоколъ». Въ свое время эта драма возбудила много толковъ въ публикѣ своей загадочностью и мистическимъ символизмомъ, и образы, представленныя въ ней авторомъ (литейщикъ Гейнрихъ, лѣшій, водяной, фея Раутенделейнъ и др.), истолковывались, какъ олицетворенія разныхъ идей. При такомъ взглядѣ на драму, сама фея Раутенделейнъ олицетворяетъ собою искусство и, вообще, нѣкую художественную идею, увлекающую художника и овлаждающую имъ до такой степени, что онъ забываетъ ради нея свою семью, свое положеніе въ обществѣ и все на свѣтѣ.

Яркій и прелестный образъ этой феи талантливо и живо созданъ художникомъ О. Лингеромъ на его картинѣ, воспроизведенной въ настоящемъ № нашего журнала.

Прощаніе Вашингтона съ арміею. (Рис. на стр. 704).

Великая борьба, веденная въ концѣ XVIII вѣка американцами за свою независимость, выдвинула изъ ихъ среды замѣчательнаго героя, имя котораго увѣковѣчено въ названіи главнаго города Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Имя это — Джорджъ Вашингтонъ.

«Первый въ войнѣ, первый въ мирѣ и первый въ сердцахъ своихъ согражданъ», — такими словами историкъ охарактеризовалъ этого великаго человѣка, одного изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ героевъ и государственныхъ дѣятелей всѣхъ временъ.

Вашингтонъ родился въ 1732 году въ Виргиніи. Когда въ 1773 году началась война американцевъ съ англичанами за независимость, конгрессъ соединенныхъ американскихъ колоній рѣшилъ учредить постоянное войско и въ 1775 году избралъ главнокомандующимъ Вашингтона. Первый дѣйствія американскаго вождя противъ англичанъ были неудачны, но въ 1781 году онъ, въ союзѣ съ французами, принудилъ англичанъ къ рѣшительной капитуляціи въ Йорктаунѣ. Спусти два года, англичане были окончательно вытѣснены изъ территоріи Соединенныхъ Штатовъ — и Вашингтонъ распустилъ свою армію, сердечно простившись съ нею. Трогательный моментъ этого прощанія изображенъ на воспроизводимой нами картинѣ художника, А. Го.

Сложивъ съ себя званіе главнокомандующаго, Вашингтонъ вернулся простымъ плантаторомъ въ свое имѣніе Моунтъ-Вернонъ; однако ему недолго пришлось прожить вдали отъ свѣта, такъ какъ въ 1789 году при новой конституціи онъ былъ избранъ на должность президента Штатовъ и сталъ, такимъ образомъ, первымъ президентомъ великой американской республики. Скончался онъ какъ разъ на рубежѣ новаго столѣтія, въ 1799 году, въ своемъ родномъ Моунтъ-Вернонѣ.

Рѣка Катунь на Алтаѣ. (Рис. на стр. 708).

Художникъ Гуркинъ знакомитъ насъ съ величавыми картинами далекаго Алтая, о которомъ мы, къ сожалѣнію, знаемъ гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, объ Алжирѣ или Капштадтѣ. Богатый дивными картинами природы, Алтай слишкомъ еще недоступенъ для изслѣдователей и художниковъ — и только немногіе изъ нихъ проникаютъ въ заповѣдныя дебри его горъ и лѣсовъ и увѣковѣчиваютъ ихъ дикую красоту въ своихъ описаніяхъ и рисункахъ. Художникъ Гуркинъ — уроженецъ Алтая; онъ провелъ тамъ свое дѣтство и юность, и поэтому его рисунки, изображающіе Алтай, имѣютъ цѣнность непосредственнаго наблюденія, не говоря уже объ ихъ художественномъ достоинствѣ.

Воспроизведенный въ настоящемъ № «Нивы» рисунокъ изображаетъ одну изъ мѣстностей по теченію рѣки Катунь. Рѣка эта беретъ начало съ громадныхъ ледниковъ горы Бѣлухи и течетъ по всему Алтаю. Берега ея покрыты густымъ дѣственнымъ лѣсомъ, изобилуютъ скалистыми обрывами и очень живописны. Но населеніе на ея берегахъ очень рѣдкое, и только кое-гдѣ виднѣются въ лѣсной чащѣ жалкія юрты кочевниковъ-алтайцевъ.

Въ пучинѣ водопада. (Рис. на стр. 709).

Въ погонѣ за сенсационными зрѣлищами антрепренеры различныхъ увеселительныхъ учрежденій совершаютъ иной разъ чудеса техники. Примѣромъ одного изъ такихъ техническихъ чудесъ можетъ служить устроенное недавно въ одномъ изъ западно-европейскихъ городовъ зрѣлище «путешествія въ лодкѣ по водопаду».

Предъ зрителемъ открывается величественная панорама водопада, окруженнаго дикою красивой мѣстностью. Водопадъ шумитъ, бѣшуетъ и сверкаетъ миллионами брызгъ при яркомъ электрическомъ освѣ-

Генераль-маіоръ А. М. Колубакинъ.
По фот. Здобиова, авт. «Нивы».

шеніи. Внезапно на поверхности бѣшено стремящегося каскада появляется лодка съ живыми людьми. Она быстро несется внизъ и сразу возвращается въ крутящуюся бездну водоворота. Описавъ нѣсколько молніеносныхъ круговъ въ водоворотѣ, она затѣмъ, къ ужасу зрителя, исчезаетъ въ пучинѣ.

Впечатлѣніе отъ зрѣлища таково, что, даже при полномъ убѣжденіи въ невинности этой поѣздки, невольно замираетъ сердце при видѣ крутящейся въ бѣшеномъ водоворотѣ лодки съ ея живыми пассажирами. Но пассажиры во время этой головоломной поѣздки не испытываютъ ни малѣйшей опасности, и все это ужасное зрѣлище является не чѣмъ инымъ, какъ лишь ловкимъ «обманомъ чувствъ».

Водопадъ—вовсе не водопадъ, а нѣсколько ручейковъ воды, которые только благодаря электрическому освѣщенію и оптическимъ фокусамъ превращаются въ колоссальный потокъ воды. Самый «каскадъ» состоитъ изъ громадной наклонной спирали, по которой струится вода. Кругомъ этой спирали идетъ по наклону рельсовый путь—и по рельсамъ двигается лодка, поставленная, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, на колеса. Пролетѣвъ по рельсовому пути, лодка благополучно проскальзываетъ въ особую дверку на днѣ «пучины»—и отважные «путешественники по водопаду» кончаютъ тамъ въ тихой пристани свое путешествіе.

«Водопадъ» со всѣми декораціями, приспособленіями и мѣстами для публики помѣщается въ специально построенномъ огромномъ зданіи, въ 50 футовъ вышины.

А. М. Колюбакинъ.

(Портр. на стр. 719).

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству назначенъ новый начальникъ Терской области и наказной атаманъ Терскаго казачьяго войска: назначеніе это получилъ извѣстный военный администраторъ генерал-майоръ, Алексѣй Михайловичъ Колюбакинъ, занимавшій въ послѣднее время постъ военного губернатора Приморской области и наказного атамана Уссурийскаго казачьяго войска.

А. М. Колюбакинъ состоитъ на службѣ уже болѣе 35 лѣтъ и за это время занималъ разнообразныя, весьма отвѣтственные должности.

Онъ родился въ 1851 году и первоначальное образованіе получилъ въ 2-й московской военной гимназій, а затѣмъ окончилъ курсъ въ 1-мъ военномъ Павловскомъ училищѣ. Вышее же образованіе А. М. Колюбакинъ получилъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, блестяще окончивъ ее въ концѣ 60-хъ годовъ.

Поступивъ на военную службу въ 1869 году, А. М. Колюбакинъ занималъ сначала должность старшаго адъютанта штаба войскъ Семипалатинской области, затѣмъ въ 1884 г. былъ назначенъ російскимъ Императорскимъ вице-консуломъ въ Вѣнѣ, а въ 1889 году—штабъ-офицеромъ для порученій при штабѣ кавказскаго военнаго округа. Позднѣе, а именно, съ 1894 по 1899 годы А. М. Колюбакинъ состоялъ начальникомъ тифлискаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, а послѣ того получилъ назначеніе на должность окружнаго дежурнаго генерала штаба туркестанскаго военнаго округа. Наконецъ, въ самое недавнее время, онъ занялъ свою послѣднюю предъ новымъ назначеніемъ должность—военнаго губернатора Приморской области и наказного атамана Уссурийскаго казачьяго войска. Кромѣ того, въ болѣе раннее время, А. М. Колюбакинъ съ успѣхомъ исполнялъ спеціальныя обязанности по передвиженію войскъ по козлово-воронежско-ростовской и владикавказской ж. д. и по рѣкамъ Дону и Кубани.

Въ эпоху русско-турецкой войны 1877—78 г. А. М. Колюбакинъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ противъ турокъ и выказалъ тогда выдающееся мужество и распорядительность.

Въ лицѣ А. М. Терскаго казачьяго войска приобретаетъ теперь опытнаго и энергичнаго администратора и выдающагося военнаго начальнаго.

Его Величество Музафферъ-Эдинъ, шахъ персидскій.
По фот. авт. «Нивы».

Правительственное сообщеніе.

Въ концѣ мая сего года Государю Императору благоудно было изъяснить согласіе на принятіе предложенія президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ о свиданіи русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ въ цѣляхъ выясненія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ осуществимо для обѣихъ державъ опредѣленіе условій мира.

Высочайшимъ довѣріемъ эта важная миссія была возложена на предѣдателя комитета министровъ статсъ-секретаря Витте и Императорскаго посла въ Вашингтонѣ, гофмейстера барона Розена, получившихъ полномочія, въ силу коихъ они могли въ случаѣ приемлемости японскихъ предложеній приступить и къ заключенію мирнаго договора.

По обоюдному согласію переговоры должны были происходить на американской территоріи. 25-го іюля состоялось въ Ойстербэѣ первое свиданіе уполномоченныхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, а 27-го въ Портсмутѣ открыты были совѣщанія.

На второмъ засѣданіи японскими делегатами представлены были выработанныя въ Токио условія мира.

Принимая во вниманіе, что нѣкоторыя изъ этихъ условій, на основаніи имѣвшихся у російскихъ уполномоченныхъ инструкцій, представляли совершенно неприемлемыми, редакция же другихъ могла быть истолкована въ ущербъ интересамъ Россіи, статсъ-секретарь Витте предложилъ японскимъ делегатамъ приступить къ тщательному обсужденію каждаго пункта въ отдѣльность.

Посвятивъ на эту работу нѣсколько засѣданій, русскіе уполномоченные пришли къ заключенію, что по четыремъ пунктамъ японскихъ предложеній не можетъ состояться согласіе, вслѣдствіе чего японскіе делегаты выразили готовность испросить дополнительныхъ инструкцій отъ своего правительства, въ видахъ изысканія примирительнаго выхода изъ возникшихъ серьезныхъ затрудненій.

Послѣ сношеній съ Токио, японскіе делегаты заявили, что они отказываются 1) отъ поставленнаго ими условія ограниченія русскихъ военныхъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ и 2) отъ выдачи Японіи русскихъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ; но продолжаютъ настаивать какъ на уступкѣ острова Сахалина, такъ и особенно на уплатѣ Россіею военной контрибуціи.

Руководствуясь данными имъ указаніями, російскіе уполномоченные рѣшительно отвергли послѣднія предложенія, заявивъ, что они не могутъ входить въ дальѣйшее обсужденіе условій мира до тѣхъ поръ, пока Японія будетъ настаивать на возмѣщеніи ей военныхъ издержекъ.

Принимая во вниманіе, что таковой оборотъ дѣла могъ повести къ разрыву переговоровъ между уполномоченными обѣихъ державъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, по почину коего состоялось совѣщаніе въ Портсмутѣ, рѣшился вновь обратиться черезъ посредство представителя Штатовъ въ Петербургѣ къ Государю Императору, прося, во имя одушевляющихъ Его Императорское Величество чувствъ челоуколюбія, согласиться для избѣжанія дальѣйшаго кровопролитія, на принятіе новаго предложенія японскаго правительства.

Предложеніе это сводилось къ тому, чтобы Россія, въ виду созданнаго высидкою японскихъ войскъ фактическаго положенія вещей на Сахалинѣ, согласилась оставить за Японіею принадлежавшую ей до 1875 г. южную часть острова, при условіи выкупа сѣверной за вознагражденіе въ суммѣ 1.200.000.000 іенъ.

Выражая президенту Рузвельту признательность за проявленное имъ стремленіе содѣйствовать восстановленію мира, Государь Императоръ однако не нашелъ возможнымъ принять упомянутое предложеніе, по существу равносильное уплатѣ Японіи военной контрибуціи.

Извѣщенные черезъ російскихъ уполномоченныхъ о такомъ рѣшеніи, японскіе делегаты на засѣданіи 16-го августа заявили, что, согласно полученнымъ ими указаніямъ отъ своего правительства, Японія отказывается отъ всякаго денежнаго вознагражденія за военные расходы, но сохраняетъ за собой южную часть Сахалина, нѣтъ ею занятую, съ обязательствомъ—не принимать военныхъ мѣръ въ этой части острова, не возводить тамъ укрѣпленій и держать Лаперузовъ проливъ открытымъ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за внесеніемъ означеннаго заявленія въ протоколъ, кончили совѣщанія делегатовъ по предварительнымъ условіямъ мира, которыя должны послужить основой для окончательнаго мирнаго договора между Россіею и Японіею.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По недостатку мѣста продолженіе печатанія положенія объ „Учрежденіи Государственной Думы“ отлагается до слѣдующаго номера.

О перемѣнѣ адреса.

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прилагать прежній печатный адресъ и 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Испорченная натура. Повесть Кн. М. В. Волконской. (Продолженіе).—Стихотвореніе И. Гриневской. — На войнѣ. (Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).—Заключеніе мира. (Политическое обзоріе).—А. Эдельфельтъ.—В. В. Подвысокій.—Фея Раутенделейн.—Прощаніе Вашингтона съ арміею.—Рѣка Катунь на Алтаѣ.—Въ пучинѣ водопада.—А. М. Колюбакинъ.—Правительственное сообщеніе.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

РИСУНКИ: Фея Раутенделейн.—Прощаніе Вашингтона съ арміею.—Барышни въ стадѣ.—Рѣка Катунь на Алтаѣ.—Въ пучинѣ водопада.—Молодая дѣвушка-кайтанка.—Денщикъ его высокоблагородія.—Допросъ японскаго шпіона казаками въ дер. близъ Кунь-Чу-Линга.—Харбинъ. 1) Питательный пунктъ имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны, гдѣ солдаты проходящихъ частей получаютъ даровой столъ. 2) Центральныи складъ имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны, откуда бесплатно выдаются предметы обихода для войскъ и лазаретовъ. 3) Энтерность столовой питательнаго пункта. 4) Посадка плѣнныхъ японцевъ въ вагоны. 5) Сборный этапный пунктъ для выздоравливающихся больныхъ и возвращающихся въ строй. 6) Китайскій полицейскій на улицѣ. 7) Сборный этапный пунктъ.—Подполковникъ Полуэктовъ и офицеры 118 Шуйскаго пѣх. полка на верандѣ китайской фанзы.—Прачки.—Мирная конференція въ Портсмутѣ. Засѣданіе уполномоченныхъ.—А. Эдельфельтъ.—В. В. Подвысокій.—Генералъ-майоръ А. М. Колюбакинъ.—Его Величество Музафферъ-Эдинъ, шахъ персидскій.

Нѣ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 41.

Редакторъ-издат. **А. Ф. Марксъ.**

Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**